

*Книга выпущена при содействии
Совета по искусству Канады
и Министерства Иностранных дел Канады*

Conseil des Arts
du Canada

Canada Council
for the Arts

КОММЕНТАРИИ

2011

Hélène Dorion

L'ÉTREINTE DES VENTS

Presses de l'Université de Montréal

Montréal

2009

Элен Дорион

ОБЪЯТИЯ ВЕТРОВ

Комментарии

Москва

2011

Перевод с французского Юлии Куниной

Редактор
Елена Вагнер

Дизайн обложки *Сергея Кауфмана*

Фотографии на 1-й и 4-й сторонах обложки
Закари Жильбера

Элен Дорион

Объятия ветров / Комментарии, М., 2011.

Пер. с франц. – 70 стр.

Первая публикация на русском языке философской прозы известной современной франко-канадской поэтессы, лауреата многих литературных премий во Франции, Канаде, Бельгии. Предлагаемую книгу можно было бы назвать сборником взаимосвязанных эссе, но благодаря поэтичности языка и пронизывающей весь текст единой нити размышлений и переживаний лирической героини, последовательность небольших глав-зарисовок складывается кроме того и в нечто целостное – своеобразное и увлекательное повествование о жизни и любви.

Мы, мы одни, – преобразователи земли; всё наше существование, все взлёты и падения нашей любви, всё подготавливает нас к этой задаче (рядом с которой ни одна другая, по сути, не важна).

Р. М. Рильке

Что-то пылает во мне. Я и жду, и нет. И может быть, в этом разладе, в этом мгновении, между этими двумя импульсами – одним, стремящимся к бесконечности «да», а другим – к бесконечности «нет», – и заключается жизнь.

Ж. М. Г. Леклезю

ISBN 978-5-85677-076-5

© H el ene Dorion, 2009
© Юлия Кунина, перевод, 2011
© Комментарии, 2011

ГОЛУБАЯ ВЫСОТА

Остров в завершении пути, на оконечности материка. Я приехала сюда, чтобы писать о связях, писать о разрывах, словно благодаря движению букв я могу отыскать здесь наш подлинный образ – ведь мы, сотканные из связей, то связующие, то связуемые, неизменно охвачены связями. Мы способны протянуться всем существом – подобно арке – навстречу другому, расправиться – подобно парусу – чтобы принять другого. Нам свойственно создавать связи, вызывать соответствия, и, следовательно, у нас также есть возможность оборвать их.

Пока самолёт летел над островом, доставляя меня сюда, я разглядывала голубизну, остров окутавшую. Отнюдь не однородная, она то блекнет, то насыщается, переходя в бирюзовую и приобретая неожиданные оттенки, затем понемногу светлеет, чтобы тут же вновь обрести глубину, призывающую ночь. С высоты кажется, что оттенки синевы кружатся в танце, плавно и совершенно естественно переходя из одной цветовой гаммы в другую. Тут и там угадывается то красный, то жёлтый, поглощаемые синим, видимым глазу благодаря свойству преобладать над остальными цветами. Корабли плывут сквозь оттенки цвета; ещё немного, и из-за приводящей в замешательство голубой толщи невозможно будет различить, плывут они по краю неба или по поверхности моря. Внезапно безупречно белое облако нарушает картину, стирая своим появлением чувство умиротворённости и тихого движения в никуда, которому так хотелось довериться.

Голубизна вовсе не так монотонна, как спокойная жизнь, прожитая гладко и невыразительно. Скорее, она уводит нас в бездонное пространство или же увлекает на труднопроходимые тропы; она не обещает ни отдыха взгляду, ни избавления душе.

Понять что-либо – означает, прежде всего, уловить форму, составленную из связанных между собой элементов, подметить существующие связи или же ради постижения реально-

сти придумать новые. Мы сотканы из связей. Более всего мы стремимся к тому, что нас соединяет: с собой, с другими, с миром и с тем, что неизмеримо выше нас. Подобное чувство связей нам необходимо, и оно предшествует другому – чувству *единения*, участия в необыкновенном и головокружительном приключении, которым является жизнь.

Звёзды и планеты, меридианы человека, живопись, история, речь, алхимия, деревья и растения, метафизика, астрономия, соборы Средневековья – всё, абсолютно всё зиждется на связях. Отдельный элемент нужен лишь как часть изображения, в котором он приобретает смысл. И столь важный для нас смысл заключён в природе связей.

Одним из наиболее значительных достижений квантовой физики – оно ещё и призывает нас к изменению взгляда на действительность, но мы пока не оценили всех последствий и масштабов этого – является как раз представление, или скорее прозрение, о том, что всё сводится к связям и соответствиям. Видимое и переживаемое нами в точности отражает наш внутренний мир. Сознание, мысль, возможно, и душа предваряют и создают всякий раз обновлённую реальность, ткнут огромное полотно сложных переплетений, посередине которого у нас есть выбор, а значит – свобода, и, следовательно, там простираются дороги нашей жизни, соединённые между собой и с другими бесчисленными полотнами как микро, так и макро связями. Мы с трудом охватываем Целостность происходящего с нами и видим способность сознания к воплощению возможностей из-за своей приверженности причинно-следственной логике; она сводит наш взгляд на мир к механистическому и картезианскому, суживающему действительность до границ нашего восприятия.

Мир *возможностей* непосредственно связан со временем. Уже майя знали, и их календари говорят об этом, что подлинная природа времени – синхрония, или же одновременность событий, не связанных отношением причинности, отсюда – возможность улавливать мелодии и отголоски, неизбежные связи, ощущать внутреннее *соединение* вещей, ведущее к общему

единству и причастности к одной действительности. Физик Дэвид Бом, один из близких к нам по времени мыслителей, максимально развил идею *связей*, создав модель по-новому увиденного мира. Согласно Бому, Вселенная – это бесконечная волновая структура, где всё связано и где противоположности – дух и материя, бытие и небытие – всего лишь различные проявления единой реальности, приводимой в движение непрерывным преобразовательным потоком жизни. Он пишет: «Вселенная подобна необъятной голограмме, каждая галактика, равно как и каждый атом, заключает в себе целое». Поэтому каждый отдельный элемент содержит полную информацию о Вселенной, в которой всё сущее бесконечно взаимосвязано и слагается в сложное полотно, то заслоняющее нам взгляд, то приоткрывающее доступ к знанию.

Чувство причастности к *единому целому*, возникшее как понятие в связи с многообразными характеристиками квантовой энергии, по сути – *Любовь*. В этом мощном созидательном ядре как бы содержатся тайна мироздания, секрет единения, к которым мы приобщаемся благодаря ему. Без умения любить все наши знания и умения напрасны.

В тексте под названием «О сцеплениях вообще»* Джордано Бруно пишет: «Все связи сходятся в точке любви, или же представляют собой любовь. Связь ни красива, ни хороша, она – то, что сообщает всякой вещи красоту и добро; она соединяет принимающего с даром, дарителя с жертвенником». Бруно детально развивает это высказывание, чтобы обосновать его. *Виды, размеры, пути, степени, значимость, последствия, время, место, масштабы, истоки и число связей* – он призывает проникнуть в самую суть этого стремления, этого зова, живущего в нас и движущего нами, и нашёптывающего нам неотступно: «любовь есть связь всех связей».

В нас заложена жажда обретения смысла, обусловленная в свою очередь нашим свойством воспринимать (и создавать!)

*Название данного трактата Джордано Бруно приводится в принятом русском переводе. (Прим. переводчика).

связи. Связать воедино – значит восстановить исходную композицию, воспроизвести образ, позволяющий понять. Это понимание становится *празднованием*, если связанность ощущается нами через чувство – если мы любим и любимы. Любовь – некое приобщение к изначальному образу, память и сама история этого образа, порождающего тысячи разных событий нашей жизни. Каждая жизнь – рассказ о сокровенном опыте познания любви.

Писать о том, что нас связывает и освобождает, что зарождается и приходит к завершению, резко обрывается и бросает нас в пучину, в сердце разломов, обратимых в просветы, ведущие к возрождению; изучить размах и силу этих глубинных движений – вот зачем я приехала в точку земли, отразившую в себе похожие процессы. Остров на оконечности обширного материка. Движению слов нужно движение жизни, перемещение ступков смысла, которые являет мир в виде образов-метафор – этих красноречивых островков на небосклоне дней.

ОСТРОВ

Часть суши, постоянно возвышающаяся над уровнем океана или моря, озера или другого водоёма. Французское *insulaire*, «островитянин», этимологически восходит к латинскому *insula* и обозначает обитателя острова. Это же значение имеет и более краткое *îlien*, производное от современного французского *île* – «остров». Цепочку островов, идущих друг за другом, по-французски называют *чѐтками*.

Из самолѐта я отчѐтливо вижу узор, что образуют острова. Они тянутся по всему горизонту между небом и морем, по сливающимся между собой оттенкам голубого. «Все связи сходятся в точке любви...» Я проникаюсь чувством, заключѐнным в этих словах. Правда ли, что остров – образ, идеально созвучный нам, нашим хрупким связям, омывающим нас океанам воспоминаний с неясными картинками, бессчѐтными сожа-

лениями, тягостными печальями? Или же остров пропадает в голубизне, и мы движемся к неодолимому свету, беспредельным горизонтam, к тому высшему миру, с которым неразрывно связаны?

Биологи и экологи непременно обращают внимание на присущий островным системам «фактор уязвимости». Географы, со своей стороны, отмечают, насколько острова часто трудны для описания. Нам известна богатая символика, стоящая за понятием острова, а также его самые разные метафорические употребления. Здесь я только хочу напомнить о богатстве этого образа и дать представление о его выразительной силе, которую ощущаю со всей ясностью на борту самолёта, направляющегося к последнему из островов архипелага; из самолёта мне видны мириады фрагментов суши, наиболее крупные из которых соединены мостами, кажущимися очень уж хрупкими в сравнении с обступающим их океаном.

На острове почти забываешь о континенте. *Continere* – *удерживать вместе, объединять*. С того момента как *своё «я»* оказывается вдруг далёким, а *другое «я»*, которым *можешь стать*, напротив, – совсем близким, почти забываешь то, чем так дорожил и что легко, безболезненно, покинул, ничего не захватив с собой. Словно, чтобы стать самим собой, нужно действительно *погрузиться в себя до конца*. Тогда, в самом сердце одиночества, наконец-то *обретаешь единство*.

РАССТАВАНИЯ НЕТ

Однажды встречаешь кого-то, кому обещаешь всё на свете. Исполняешь с ним все ритуалы, придумываешь движения всех танцев. Говоришь *моя любовь* и прибавляешь *никогда и навеки*. Прикасаешься к самому главному, к тому, что единственно важно в жизни: радости, желанию, доброте, встрече и дару, прозрачности тайны, – попадаешь в мир, где бесконечность открывается в капле воды, в камне, в травинке, в мир,

где каждое мгновение переполнено до краёв. Нет ничего красивее света, что пылает внутри этой любви. И хочется жить соразмерно звучанию этого необъятного мира. Просыпаешься подле Любимого, открываешь глаза и приливаешь напиток к лицу, вобравшему в себя все лица. Проводишь часы в неистощимой жажде этой любви, настолько мощной, что в ней исчезаешь для всего вокруг, в жажде этой близости, настолько яркой, что ради неё сторонись другого общения. Живёшь для этой сказки, воплотившей волшебство жизни. У неё нет начала, у неё нет конца. Весь день стремишься прильнуть к этому лицу, порой даже часы разлуки – всего лишь отступление в скобках, а с приходом вечера возвращаешься к Любимому, к теплу его тела, его сердца, и вместе с тем возвращаешься к полноте своей души, к гармонии своего тела, утопаешь целиком в омывающих тебя, нежно струящихся водах сердца; вписываешься в идеально сложенную мозаичную картину, и все фрагменты твоей жизни объединяются наконец в одно изображение, в один лик – лик «Любви с заглавной буквы Л».

Листья деревьев слегка зашевелились. Ветер поднялся, я слышу его свист сквозь окна в доме; он треплет деревья, ветви которых жадно лижут крышу, он тревожит неподвижный до тех пор горизонт. Птицы снимаются с места под всё усиливающийся оглушительный шум разбушевавшегося уже ненастья. Земля дрожит, дом сотрясается от порывов ветра, своей яростью заставляющих меня забыть состояние умиротворения и нежности, в котором пребывала всего несколько часов назад. Вдали угадываются накренившиеся суда, опрокинутые мачты, людские жизни за бортом. Природа неистовствует с таким ожесточением, что практически сводит на нет память о благе, что она несёт нам, будучи неисчерпаемым источником света, заботливой силой, пробуждающей к мечтам, пробуждающей к любви.

Однажды встречаешь кого-то, кто говорит *я люблю тебя* так, как ты ни от кого этого прежде не слышал. Как прежде

ты даже не мог надеяться, не мог ожидать, не мог себе представить. Этот человек прибавляет *навек* и *никогда* не сомневается. *Никогда* не испытывает отношений на прочность. И эта любовь не кончается. Месяцами, годами, десятками лет. Она могла бы точно так же длиться сотню лет.

И жизнь становится нескончаемым торжеством. Душа, тело, сердце и разум слились воедино, в каждом дне пульсирует обречённая любовь. Говоришь *я тебя люблю* – и великое проступает в малом, свет пронизывает окна души, преодолеваешь путь, каждый шаг по которому ведёт к свершению, началу и возрождению.

Приходит день, когда читаешь те же самые слова – *я люблю тебя* – и воспринимаешь их, как *всегда*. Но в этот день слова уже другие. *Я люблю тебя бесконечно*. Но это другая любовь. Другой человек. Даже не знаешь, в чём дело... светило солнце, и были забыты сильные ветры, разрушительные бури. Забылось то, что хорошо известно, забылось, что всё переменчиво и преходяще, что мгла чередуется с проблесками света, что вещи могут обернуться другой стороной, подобно возделанной для нового сева земле.

Забылся урок дерева и опустошающего ветра, урок сумерек и рассвета.

Забылось, что всегда можно начать сначала.

ВОЗОБНОВЛЕНИЕ

Повторение, повтор. Появление вновь. Того, что непрерывно возрождается. Начинает заново с самого начала.

Дыхание жизни овеивает меня. Вверяюсь ему сердцем и телом, пытаюсь ощутить то, что мне мешает, не даёт дотронуться кончиками пальцев до неба, не даёт пустить корни в почву. Я хочу коснуться света, высвобождающего тени; я прошу освобождения от того, что меня сковывает, и жизнь в ответ овеивает меня своим дыханием. *Начать сначала*, чтобы избавиться от давящего бремени.

Мы делаем всё, чтобы спрятать от себя собственную тень. Даже думаем, что у нас её нет, или же замечаем только тень Другого, потому что внутри слишком темно и не видно тени. Нам страшно отправиться в путь, начать разведывать дорогу, страшно, что можем найти там что-нибудь или же ничего не найти, кроме боли. И вот тогда надо решиться и ринуться вниз, погрузиться в самый центр своего существа, чтобы наконец открыться внешнему миру и действительно встретить Другого.

Что я могу узнать о себе в этом дыхании жизни? Что могу уловить такого, что до сих пор отказывалась видеть? *Возрождения*, я прошу возрождения. Чтобы меня избавили от того, чем я не являюсь, чтобы меня вернули ко мне настоящей.

И когда я предвижу, что мне придётся потерять ради победы в моём сражении с собой, я заклиная жизнь отнять у меня всё – всё, кроме Любимого.

Ничего, кроме Любимого, я не лишусь. *Tabula rasa* моих познаний о любви, моих знаний о себе. Всё начать с чистого листа. *Начать сначала*.

До сих пор я всё время опасалась погибнуть в тёмном эпицентре, что ощущала внутри себя, опасалась быть затянутой в него безвозвратно, так что останется только бездна, из которой мне никогда не выбраться.

Должно быть, в каждом из нас притаилась боль. Случается, какое-нибудь происшествие однажды расстроит её. И в этот момент все наши беспредметные измышления рушатся, наткываясь на эту всё затмевающую боль, в которой уместились живущие в нас упования и безмерная печаль.

На острове ночное небо кажется прозрачным. Скользящие по небу облака не нарушают его чистоты, не заволакивают его – напротив, звёзды направляют их бег, и облака подобны волнам, подобны птицам, что парят, положившись на добрую волю воздушных потоков, на силу и красоту света.

Я раскидываю руки, раскрываю ладони, чувствую, что покачиваюсь от ветра; он разыгрался: приподнимает ветви, несёт сухие листья. Жизнь сыплется сквозь пальцы тонкими струйками песка, моя жизнь рассыпается. Я вступаю на путь боли, взбираюсь по ней, как по склону горы, с которой для меня открывается вид, вдохновляющий на любовь ко всей Земле. Я вступаю в пространство обновления.

СЛОВА

Одно за другим голос терзает слова. Одновременно всё тело теряет связь с жизнью, скоро останется только одна душа, только душа, слившаяся с болью. С другого конца провода слышатся фразы, которые отныне не сплетаются в нечто целое, как раньше, и эти фразы буквально вырывают тебя из действительности, разлучают с самим собой. Нещадно рвутся нити, соединяющие с жизнью, дыхание прерывается, ты оторван ото всего, брошен в неизвестность, отдан во власть пустоты, о глубине и протяжённости которой не мог даже дозревать.

Хочется услышать простые и ясные фразы: *я перестал тебя любить; я встретила другого мужчину, я встретил другую женщину*, – или пусть даже: *я ухожу*. Хочется, чтобы слова совпадали с тем, что чувствуешь, с тем, о чём уже знаешь интуитивно, с тем, что нашёптывает на ухо жизнь. Тогда была бы уверенность, единственная, но её бы хватило, чтобы различить дорогу перед собой, не слишком отчётливую, но всё-таки дорогу. Однако слова скользят и уворачиваются, вместо них – оглушительное молчание.

Однако то, что слышишь, ничего не проясняет, не проливает света. Слова скапливаются на другом конце разомкнутого провода, колышутся чёрной мутной зыбью, затем сливаются с порождаемой ими мглой, исчезают в глухом молчании и в источаемой ими боли. Неделями, месяцами, подобно дикому

шквалу, они и дальше сокрушают всё на своём пути, порождая мир неизвестности и неопределённости, в котором больше ничему нет ни имени, ни объяснения.

Слова валяются из рук, изо рта, не удерживаются даже самые невесомые из них, мостки рушатся: обрезанный язык бессилён дотянуться... В памяти вдруг остаётся одно только наступившее опустошение, и любовь, обычная любовь, дарящая участие и слово, исчерпана.

И вот уже внутри одни обломки, чудовищные развалины, пожар на которых безучастно наблюдаешь. И не любовь теперь может погибнуть в огне, а сама способность любить; способность испытывать к Другому *сильное чувство* – то, что расширяет горизонты личности и подвигает на путь к себе, – теперь под угрозой угасания. Будто бы спилена ветка, с которой птица могла подняться в небо.

Так что же значит то, что зовётся жизнью? Что за призрачная реальность сооружается нами, чтобы однажды быть разрушенной, а потом выстроенной заново? В какую пещеру мы заточили себя, что радость жизни так часто ускользает от нас? В доме своём или же снаружи – там, где ничего не найти, – мы ищем потерянное?..

И слова, и молчание расставляют ловушки вопросов в круговерти жизни, с тем, чтобы изменить её. Но безболезненно нам через них не пройти.

ИСЧЕЗНОВЕНИЕ

Можно подумать, что наступила смерть. Внезапно стемнело. Солнце не восходит и больше не садится. За несколько мгновений всё стало серым, замерло, словно залитое лавой взорвавшейся жизни. Замкнутое пространство подобно зияющей пустоте, и я оказалась внутри.

Птицы не летают, вода неподвижна, кажется, что тень накрыла моё тело и душу; горизонт постепенно утрачивает составляющие его до сей поры очертания. Я больше не узнаю того, что ещё недавно было таким знакомым. Вся красота мира вдруг становится для меня недоступной. Глаза не открываются с утра и не смыкаются ночью. Я застыла посреди терзающей сердце боли, разъедающей каждую клетку, пропитывающей всё, на что смотрю, всё, к чему прикасаюсь. Как вода, скованная лютым морозом, я безжалостно пригвождена к нескончаемой пустоте.

Занавес жизни нещадно рвётся, и случается нечто такое, в возможность чего не верилось. Как удар головой об стену; как крушение самолёта; как взрыв мины под ногами; как крах целого мира; как нечто совершенно невообразимое. Как ураган такой силы, что, пожалуй, не выживешь, а если выживешь, то среди всеобщего разорения это равносильно гибели. Придётся восстанавливать всё, начиная с себя.

Немыслимый день наступил. Ты сброшен с отвесной скалы и очутился во власти стихии, беспомощный, безо всякой возможности ухватиться хотя бы за соломинку; волны накрывают тебя, и ты медленно идёшь ко дну, воздуха не хватает, дышать всё труднее. Наверное, чтобы не утонуть, ты ещё побарахтаешься, но это бесполезно – в какой-то момент перестанешь шевелиться и начнёшь погружение, погружение на самое дно себя.

Уже видны призраки, с которыми предстоит встретиться, видна потаённая сторона твоей собственной души, куда надлежит переместиться. Слышно, как стучится одиночество; предвидится рукопашная со страданием. Понятно, что будут последствия, что потрясения приведут к полному смятению. Но неясно, что проявится в тебе самом, а что утратится навсегда; ощущаешь разлад и в сердце, и в душе. Вот-вот начнётся падение, и страшишься каждого мига этого скольжения ко дну.

А ведь казалось, что изучил в себе всё или хотя бы самое главное, но то ещё не было глубинами, не было внутренним адом, твоим драконом с прибережённым сокровищем.

За несколько часов буря растерзала остров. Сначала подули ветры, слабые, потом всё сильнее – до неистовства, они срывали ветви, валили деревья. Дождь серой завесой опустился на горизонт, цветы поникли, птицы перестали летать, молния поразила несколько деревьев, мир неожиданно померк.

Закрывшись в доме, я смотрю в окно на марево, застилающее сегодняшний день, стирающее его с лица земли, сообщающее всему тусклый ответ. Я заново разглядываю неспешно выстроенную жизнь, которая непоправимо распалась. Отныне ничего из известного мне об острове не будет больше прежним, и это ошеломляющее чувство в недрах моего существа парализует меня и порождает среди грозных раскатов тишины, в которой каждая длящаяся секунда низвергает меня всё глубже. Я знаю, что через несколько часов, когда всё закончится, от прошлого не останется ни следа.

Буря растерзала остров. Больше нет деревьев на площадях, нет густой листвы, окутывающей комплексы домов. Только разорённая местность, здесь и там встречающиеся бесформенные тени, и песок, засыпавший улицы. Больше нет дороги. Чётки разорваны, они соединяли острова, скопления смысла, что разбросаны во мне.

Ветры безжалостно снесли изгороди между домами. Негде укрыться, негде спрятаться. И открывается то, что было незаметно раньше: мы жили в отгороженном ото всех саду, и внезапно нам предстало нечто забытое о себе самих и о Другом, находящемся здесь, рядом с нами. Нам явлено что-то, о чём больше никогда не забыть.

Я прислушиваюсь к одиночеству, долгое время отвергаемому мной, позволяю ему сорвать мои покровы, сбросить с меня всё чуждое, научить меня постигать Другого, чтобы наконец соединиться с ним.

ACCIDIA*

Есть, спать, одеваться, ходить за покупками... И больше ничего – на волоске, что связывает с жизнью.

Уныние. Вялость, безразличие. Неспособность видеть красоту, добро. Полное равнодушие к будущему.

Заимствованное из древнегреческого, слово *accidia* первоначально означало *отсутствие боли*. В Средневековье оно вошло в употребление уже в качестве богословского понятия, обозначавшего состояние людей, которые, отказавшись от деятельности, посвящают свою жизнь молитвам и созерцанию, но погружаются в апатию, вместо того чтобы испытывать воодушевление от молитв.

Точно так же, порывая с любовью, погружаешься в глубокое безразличие, словно твоё слишком любимое сердце останавливается, словно так неожиданно явленное немислимое событие обрушивает тебя в мир равно скудный и туманный, одинаково чуждый и неуловимый. Лопается тетива, рвётся парус. Кажется, время остановилось, зависло над головой, и паришь в пустоте, свободный от всего.

Ты уже вне страдания, ты в пассивном ожидании какого-то развития, приближения к другому берегу, в ожидании, которое поглощает тебя. Однако и себе ты не принадлежишь, ты ждёшь, что приоткроется будущее; ждёшь хоть какого-то *проблеска будущего*, и вскоре это ожидание переходит в терпение. Ведь ожидать – это не надеяться, хотеть или бояться, это просто быть здесь, терпеливо быть здесь.

Стремись к отсутствию боли, но приходишь к разлуке с ближним, и вместе с тем – к своей разлуке с целым миром: удаляешься ото всех, как отхлынувшая от берега волна, канувшая в бездну моря. Отстраняешься от жизни, и таким образом – от самого себя. Неясной величиной замираешь во времени. Все связи оборваны. Больше нет света, придающего смысл тени, нет и тени, убеждающей в существовании света.

*Уныние (итал.). (Прим. переводчика).

Уже несколько дней густой туман обволакивает остров, наводняет его повсеместно разлитой мутной и беспросветной субстанцией. Остров словно оторван от мира; дома, корабли – всё в плотном мареве, залепившем все очертания, все цвета. Воздух насыщен беспечно витающими в нём солёными частичками, которые и не думают опускаться на землю. Солнце прекратило палить нежные цветы, ветер – качать деревья. Песок вздымается волнами, и они скитаются, как бродяги. Океан, похоже, приостановил движение отливов и приливов и напоминает необъятное серое поле. Линия горизонта стёрлась, молы и пирсы затопило, и шаг за шагом ты ступаешь в никуда. Взгляд полон тишины. Кажется, всё приостановилось в ожидании чего-то, что может произойти. Но, возможно, ничего не произойдёт. Только остров, деревья, море – похоже, прервался ход самой жизни.

Сначала расстанешься с собой. Больше не слышишь течения жизни в толще времени, все чувства угасают, не видишь того, что ещё вчера было здесь, воспеваемое светом; не слушаешь, не пробуешь на ощупь, ни на вкус, не дышишь. Одно за другим чувства отмирают, и тело больше не воспринимает окружающий мир, теряется даже ощущение присутствия в нём.

Передо мной – необъятные просторы по всей линии горизонта. Пейзаж мне знаком – он отзывался во мне смутной болью, его неровности я мерил шагом, и всё же мне о нём ничего неизвестно, ведь всякий раз он начинает снова свой урок. *Путь, движение, возобновление*. Я опять смотрю на бескрайние степи, на тихие морские берега, где порой гуляла с любимым вместе, не слыша хруста ракушек, крошащихся под ногами, не ведая, что истончалась любовь, пропадала дорога, завершался рассказ.

Воспоминания образуют во мне чудовищное скопление застывшего материала. Я даже не узнаю своего лица в проступающих бесформенных пластах. Я открываю глаза. Все вопросы смолкли.

НЕБО, МОРЕ

Неделями, месяцами, может быть, годами, просто позволяешь времени течь. Остаёшься в неподвижности или же барахтаешься, надеешься добраться до берега, до клочка земли, до куда-нибудь, и обустроиться там, обустроить то, что осталось от разрушенной жизни. Совершаешь ничтожные движения, как будто они могут спасти, как будто минута может взять верх над небытием. Едва осмеливаешься приоткрыть глаза – настолько боишься предстоящей пустоты, пустоты нескончаемой, где нет ни дома, ни окрестностей, ни любви, – ничего, кроме этой серой пустоты, поглощающей час за часом. Время течёт, но не проходит. Минута, час, день – всё едино. Время движется как во сне, не касаясь тебя, не уменьшая боли, не приглушая слов, фальшивых жестов Любимого, даже не рассеивая ненужных отговорок, напрасной лжи, обманов, измен, мелких притворств, от которых только хуже, только скверней; это так по-человечески – обходиться полуправдой.

И вот перед тобой уже не Любимый, не тот, кто казался самым красивым, лучшим на всей Земле, самым нежным, самым настоящим – самым-самым, с кем получалось надеяться, что однажды проникнешь в преддверие, уже в самое преддверие того, как он может любить, он, самый прекрасный, который, по-твоему, никогда не будет некрасив, не будет нелюбим, не будет лицемерен. Просто уже не знаешь, кто перед тобой, и вот уже никого нет, нет даже связи. Не знаешь, жил ли все эти годы *подлинной встречей* или, напротив, жил в одиночестве, одиноко создавая видимость другого рядом, видимость мира, в котором всё – главное, в котором главное – Любимый. Был ли и в самом деле в *единении* с другим или же только покоришься силе любви, поддался иллюзии присутствия другого, без которого любви нет? Годы, каждый по очереди, разматывают нить воспоминаний, и больше не знаешь, что было *правдой*, обнаруживаешь мгновения, когда уже не ясно, такова ли *любовь*, это ли любить и быть любимым.

Я прислушиваюсь к ветру, что нарушает тишину. Если бы не было солнца, было бы не узнать, где небо, не узнать, где море. Нельзя было бы сказать: *вот, это – небо, а вот – море*, – перед глазами было бы просто месиво из взаимоперетекающих голубых тонов.

Передо мной горизонт без конца и без края. Зной охватывает меня широким кольцом. Остров уподобляется загустевшей текучей массе, следующей за движением времени, за движением жизни, гораздо более мощной, чем можно себе представить. Жизни необъятной и переполняющей, как одиночество. Только полнейшее одиночество может привести к своей собственной сути, избавить от заблуждений на свой счёт.

Что стало со мной с годами? В зеркале любви я себя не узнаю. Во мне по-прежнему сохраняется желание быть с Другим и желание слиться с бесконечностью, и не знаю, не спутала ли я одно с другим.

Поддавшись какому порыву, я рассталась с тем, что знала о себе, и потеряла себя там, где хотела спастись? Отвернулась ли от себя в надежде сблизиться с Другим? На какой *утопии* – на какой *небывалой земле* – воздвигла я свою любовь?

Не отрекаться от себя, надеясь на единение с Другим, а доверяться Другому, когда единение возможно.

ПЧЁЛЫ НЕВИДИМОГО

Что же такое – переживание любви? Неутолимая жажда, тесное одеяние, череда хрупких мгновений, орошающих душу счастьем, или чудо, сменяемое сомнениями?

Думается, во мне жива память любви, память красоты, память полноты жизни. Не является ли жизнь неким выстраиванием смыслового образа, перекликающегося с этой памятью, с этим *первоисточником*, по отношению к которому она всегда остаётся лишь несбыточным обещанием?

Не существует ни *здесь*, ни *там*, ни *по эту*, ни *по ту сторону* – просто мир гармонии, цельный и упорядоченный, призывает нас, но можно всю жизнь напрасно дожидаться чего-то, что *здесь и сейчас* его воплотит. Наша жизнь протекает во времени, и нужно, чтобы живое – видимое – прониклось невидимым и чтобы *временный мир* стал не только отражением или свидетельством невидимого, а его непосредственным *проявлением*.

Как пишет Рильке, «мы – пчёлы невидимого. Мы исступлённо собираем мёд видимого, чтобы накапливать его в большом золотом улье Невидимого». Самые неуловимые мгновения вернее всего остаются в нас. Осознать, ощущать вкус, запах, слышать; благодаря своему телу мы познаём мир, обретаем связи, тем самым полностью вовлекаясь в интенсивность общего жизненного действия. Ощущения приводят к осмыслению. Более того, они передают нам смысл. Они привносят в душу радость, из недолговечного извлекают мгновения благодати, которые напоминают о ценности жизни и, совсем крохотные, избавляют от тоски по бесконечному. Всем существом впустить в себя мир – значит принять в себя оба берега огненной реки жизни, приобщиться и к свету и к тени; признать в себе чудо, подобное чуду становящейся листиком почки, наделять всей полнотой бренную жизнь.

Мы порываем с любовью, чтобы вернуться к её сути; отрекаемся от *Бога*, чтобы почувствовать, что остаётся вне и после него. Сопряжение любви с миром гармонии напоминает о нашем непрестанном устремлении к чему-то неизмеримо высшему и о том, что эта жажда, возможно, неутолима.

ДРУЖБА

Раз, по сути, мы *сотканы из связей, иницируя* их и испытывая их на себе, и раз, как сказал Джордано Бруно, «все связи сходятся в точке любви», любовь, очевидно, изобретает свои разновидности связей, и они так же многообразны и непо-

стижимы, как и те, соединяют нас с жизнью. Пламенный жар, окрыляющий любовь, может быть и источником дружбы – чувства, которое порой ощущается настолько интенсивно, что выявляет скрытое даже в любви. Между ослеплением желания и территорией дружбы пролегают многочисленные сценарии, остающиеся за рамками физической близости.

В романе «Угольки» Шандор Марай пишет: «Эросу дружбы не нужно тело. Для такого Эроса тело не соблазн, а помеха. И всё же он также производное любви. В основании всех привязанностей и всех человеческих отношений мы находим Эрос».

Если Эрос, о котором говорит Марай, бесплотен, то это потому, что дружба не нуждается в чувственности, она черпает из иных источников, чтобы прийти к тесному единству с Другим – этой обетованной *Родственной Душой*, кровно связанной с нами самой жизнью.

Дружба и в самом деле – форма *страсти*, по меньшей мере, это пылкий восторг, чувство, отличающееся бескорыстием и отстранённостью. И в этом смысле оно в принципе не может быть обмануто. Если дружба требует верности, то только в случае молчаливого соглашения. Но, подобно всем отношениям, дружба хрупка и противоречива. А истинный смысл человеческих отношений нам чаще всего неведом.

Всё в том же романе об *утраченном чувстве* один из двух друзей разрушает установившееся доверие, предаёт отношения. «Тот, кто хочет добиться правды, должен начинать исследование с себя»*. Отсюда берёт начало погружение в пламя прошлых страстей, в череду теней, способных омрачить дружбу. Ведь даже бескорыстная, она, бывает, доводит до крайности, заставляя предстать перед демоном наших страхов, наших слабостей, наших амбиций.

Для Аристотеля дружба – это общность, предшествующая всякой иной общности. Признать кого-то своим другом означает придать отношениям характер уникальности, дать проявиться *alter ego*, не другому «я» (вне своего «я»), а тому отличию, что входит в целое, Другому, что является частью тебя.

* Шандор Марай. (Прим. автора).

Может ли Другой сказать нам, кто мы? Приближается или нет его представление о нас к тому, как мы сами себя видим, в нём проявляется то, чего мы не знаем или не признаём в себе. Встреча требует *забыть себя*, то есть забыть то, что мы знаем о себе и отправиться навстречу незнакомцу, пробиться к нему сквозь преграды, преодолеть отделяющие от него границы, с тем, чтобы узнать этого Другого. Встреча приглашает нас в наш подлинный мир, но прежде отдаляет нас от него. Вот так мы подходим к *своему становлению*: становимся тем, что Другой открывает нам в нас самих.

Дружеское общение вдохновенно безо всякого проявления эротизма; взгляды проникнуты единодушием, прикосновения — глубокой нежностью. Или же, если и есть в этом Эрос, он выходит за пределы чувственности, даже преображает её, и тогда получается, будто достигнуто то измерение отношений, к которому стремимся и в общении сексуальном.

Глядясь в любящие глаза, ты не страшишься возрастных вершин; мы друзья, и я тебя буду любить всегда; я испытываю к тебе что-то, отличное от дружбы...

Ницше говорил, что существуют эмоции, для которых нет названия. Они нередко определяют нашу жизнь. «Там, где прекращается царство слов, прекращается и царство бытия. Гнев, ненависть, любовь, сострадание, страсть, осознание, радость, боль — все эти имена подходят для *крайних* состояний: состояния более умеренные и в особенности более ослабленные, но присутствующие постоянно, ускользают от нас, хотя они-то и ткнут нить паутины, составляющей наш характер и нашу судьбу»*. Таким образом, в случаях, когда не находится слов, трудно с точностью определить то, что мы чувствуем.

Чувствительность — это предпосылка открытости, приятия того, что может произойти; это дверь, которая означает только то, что её можно открыть, но не сообщает о месте, куда ведёт. В пространстве между любовью и дружбой, похоже, столько неровностей, по которым скользишь то к одному, то к другому полюсу, что чаще всего неясно, каким именно из них отмечено

* Ницше. (Прим. автора).

чувство, но оно есть, яркое, *властное*. И бесполезно пытаться *назвать*, определить то, что стремится остаться неназванным.

Какое разумное определение можно дать словам *я тебя люблю*? Как выразить все нюансы, все переливы света и тени между любовью и дружбой? Как уловить рельефность видимого и разгадать невидимое?

Сквозь преобразующее пламя нельзя пройти иначе, чем в одиночестве. Но если одиночество учит меня пониманию моих страхов и избавлению от них, то Друг появляется в тот момент, когда я готова разжать слабые объятия и уступить пустоте; друг протягивает руку, шепчет какие-то слова, опускает голову на остывшую подушку, режет хлеб, внимает сомнениям, печалам, молчит, и этого довольно. Всё здесь, совсем рядом, в сплетении рук, в сердцевине дней, и мне открывается дружба как ценнейшая связь. Я смотрю, как Друг открывает двери и окна в доме, и неожиданно понимаю: я вышла из огня.

Остров снова окутан туманом. Только и видно туман, блуждающий по улицам, внезапно останавливающийся над каким-нибудь домом, словно для того, чтобы разведать, что внутри, затем вновь пускающийся в скитание и затягивающий горизонт.

Я не могу отступить, не добраться до другого берега — я не одинока. Друг идёт со мной, наблюдает за мной и взглядом, и сердцем. Протягивает, как руку помощи, мостки между берегами, указывает на незримые проблески света, касается боли и унимает её, *касается боли и унимает её*.

Их двое, их четверо, потом шестеро, они — свидетельство расступающегося мрака, невидимых процессов движения; вскоре их будет больше пятнадцати вокруг стола, за которым мы отпразднуем возобновление жизни, вечное возвращение весны.

Благодаря дружбе радость остаётся и в горе. И если я чутко отношусь к дарам, что приносит боль, я замечаю Друга, который учит меня тому, чего я не знала о любви.

Я не знаю пути — пути нам неизвестны, но кто-то рядом ведёт меня вперёд.

РАССТАТЬСЯ С СОБОЙ (ИЛИ ОТРЕЧЕНИЕ)

Сад усыпан ветками, разодранными листьями; деревья поломаны, их стволы брошены среди вырванных с корнем цветов. Шквальные ветры проделали свою работу.

Так же внезапно, как и разразилась, буря прошла, оставив после себя прояснившееся небо, изнурённую битвой землю. Холодный дождь лил не слишком долго, но всё же часами приминал песок, колотил по крышам домов, прорывал здесь и там канавки для потоков грязи. Жизнь в саду не прекратилась, не уступила перед напором силы. Листья слегка подрагивают, потрепаные, но живые. Никогда ещё мне не приходилось испытывать подобного чувства – упоительного, умиротворяющего, такого, словно душащий в объятиях разбушевавшихся ветров страх перешёл в трепетный восторг.

Я воспроизвожу в памяти точный момент, когда что-то во мне дало трещину, то мгновение, когда я втайне захотела возродиться, захотела отказаться от одной части себя, чтобы обрести другую, возобновить связь с тем, что утратила в себе; я воспроизвожу тот самый миг, в который захотела, чтобы мой мир обновился, стал миром, с которым я бы восстановила утраченное созвучие. Я различаю линию водораздела на склоне любви. И я, считавшая себя оставленной, *оставляю* сама.

Я бросаю всё, что у меня было – или я думала, что было, – я преодолеваю представшее передо мной пространство памяти, я уподобляюсь человеку, который удаляется и никогда не вернётся.

От какого берега начинается путешествие? К какой земле, близкой или дальней, отправлен корабль? Как узнать, какая из дорог ведёт к себе, к тому, что называем *своим миром*, а какая станет ещё одной формой разлуки с собой? Как узнать, если происходящее при расставании – часть внутренней реализации или же просто *ответный рефлекс* на обиду или страх?

Тысячи причин, чтобы уйти, тысячи способов расстаться с собой, отбросить то, что было *тобой* внутри *твоего «я»*, поддаться действию разрыва, разделяющего тебя с собственной

личностью, отбрасывающего от линии возникшего разлома; тысячи способов отречься от себя именно тогда, когда с точностью уверен в обретении того, что некогда утратил в Другом. И понятно ли, кто на самом деле *спасён* от себя самого – тот, кто идёт вперёд, или тот, кто остаётся?

Что с самого твоего рождения остаётся позади, словно поклажа, которую однажды надлежит отыскать? Та ли твоя часть, с которой порываешь против воли и которую неустанно стремишься вернуть себе?

Ты спасаешься с пылающего корабля, выбегаешь из горящего дома. Бросаешься с отвесной скалы, ныряешь на дно океана.

*Уходишь от всего
и
уходишь от себя?*

В какой момент мы рискуем себя потерять? Знаем ли, что *бросить всё* – заблуждение, что всякий раз мы лишь отклоняемся от течения, по которому плыли до сих пор?

Каждый вечер я не смыкаю глаз под звёздным небом. Темнота, нарушаемая только лунным светом, беспрепятственно проникает в моё тело, в мои глаза. Изнурённые тени колыхаются вокруг, волнение дня постепенно стихает, невнятный шум времени приглушается. Звёзды кажутся неподвижными в небе, внешне из ночи в ночь неизменном. Но после того как я исследовала свою душу, весь день мучительно изучала свои пути, вчерашние созвездия уже другие. У меня внутри всё изменилось, и от этого сдвинулись составляющие элементы, сместились различные частицы – настолько, что передо мной уже другое небо, другой мир.

Только спустя годы узнаёшь наверняка, от чего отказался. Но знаешь ли, к чему на протяжении всей жизни стремишься? *Расстаться с собой*. Можно ли расстаться с самим собой? Со своим предназначением, с тем, исполнения чего внутренне жаждешь?

С безмерным усердием я ищу не объект своей любви, а человека, личность которого предвещает мне воссоединение с моим подлинным миром. И в этих поисках я различаю Другого – в источнике, из которого он пьёт, узнаю тот, из которого я пью и хочу утолить жажду; и тогда я подхожу к нему, приветствую его. Моё «я» не ограничено моим знанием о себе самой. Я могу пить из нового источника, незнакомого, который прольёт свет на неизвестное о моей жажде. В Другом я могу узнать то, чего не знаю о себе, страстно стремясь теперь к своему другому «я», которого раньше не замечала.

Может быть, для каждого существует некий абсолютный образ личности, который скорее мучительно проецируется во внешний мир, нежели ощущается – что сродни чуду – в малейших проявлениях жизни. В таком случае оказываешься в пространстве, в *бесконечном*, не затронутом обстоятельствами, минуя их, не подвергаясь их влиянию. Неизменное пространство. Неизменяемое.

И действуя оттуда,

*не покидаешь себя,
не покидаешь,
уже не покинуть тебя.*

БУРЯ

Ты предчувствовал, что потеря любви будет самым болезненным событием в жизни, но не мог представить такого всепоглощающего, такого острого страдания; да, иногда ты проигрывал сценарии смерти, потери, но не видел глубины, масштабов опустения, не видел, что пустота эта, в сущности, будет иметь мало общего с отсутствием Любимого, а возникнет из твоего собственного отсутствия, которое обнаружишь в тот момент. И нужно будет приручить это отсутствие, вернуться к нему позже, потому что сейчас небо пустынно, молитвы не

услышаны, вся Земля безлюдна, и сама жизнь потеряла смысл. Думаешь, что наступает самое страшное, а ты не успел подготовиться, и каждая частичка реальности напоминает тебе о том, что утратил вместе с потерей Любимого – простые радости в ложбинке тихих дней: завтраки и обеды вдвоём, медленные прогулки, огонь в камине, море, звёздное небо, даже бегущие тени, раскаты грозы, прощание в аэропортах; напоминает о ночах, которых не было, объятиях, которых не случилось, упущенных моментах, множестве безмолвных недоразумений.

Ты боялся всего, но вдруг ничего не боишься. Худшее случилось, и вместе с тем ушло всё, от чего ты тщетно пытался избавиться в течение многих лет и многими способами; и никогда бы ты не подумал, что здесь был источник страхов и что они исчезнут вместе с ним, эти отравляющие свободу и омрачающие существование страхи.

Любовь закончилась. Ты остаёшься, выжидаешь, не знаешь, чего ждёшь, может быть – просвета; ждёшь, даже если в него не веришь. Ничего не ведаешь, кроме мук тела, души, сердца, только их и чувствуешь и днём и ночью, говоришь только о них с терпеливыми друзьями, пришедшими предложить нежность и любовь, молчание и любовь. Спишь один час, иногда два, потом снова болезненные мучения; они задувают любое стремление, даже самое робкое, какое может возникнуть, истощают пытающиеся восстановиться силы. И тогда продолжаешь ждать, даже если изменяет терпение – это другое обличье веры, даже если теряешь саму способность надеяться на то, что однажды покажется берег.

Ни единой ниточки, чтобы за неё удержаться. Блуждаешь от одного призрака к другому, к третьему. Ни одно слово, ни одна фраза не рифмуются с твоим страданием, больше не хочешь возникающих вместе с ними вопросов, неразрешённых загадок. Углубляешься в одиночество, словно намереваешься дойти до его пределов. Понимаешь выражения «колодец слёз», «океан скорби».

Ждёшь, когда снова ощутишь желание жить. Ждёшь, когда что-нибудь сдвинется с места.

И вот, это случается. Волны накрывают тебя, и в то вре-

мя, как ты медленно идёшь ко дну, воздуха не хватает и ты задыхаешься, тебя выталкивает из воды, и рука наконец находит, за что ухватиться. Это случается. Так же внезапно, как разразилась буря, что-то перед тобой приходит в движение. Не знаешь, что это, но чувствуешь его уязвимость. Всмотриваешься, и то, что ещё недавно казалось таким близким, похоже, удаляется, тогда как дальнейшее становится ближе – какие-то проблески света.

«Да, это похоже на свет», – говоришь ты себе, и он приближается.

ПЕРВОИСТОЧНИК

Туман приподнялся, как тяжёлая пелена, заслонявшая пейзаж. То, что я искала, чего ждала, наступило: просвет.

Остров предстаёт таким, каким я его ещё никогда не видела: хранящим отпечаток того, что затуманивало его, скрывало от взгляда. Обременённый этой памятью, он уже никогда не будет прежним. Свет насыщает его. Можно было бы собрать в ладонь этот свет, возвращающий к жизни то, к чему он прикасается. Очертания возникают снова, травы выпрямляются, лёгкие, танцующие, заново воссозданные ветром. Глазам открывается то, что они никогда не видели раньше.

Я перерисовываю линии своего пути. Я принимаю падение, я соглашаюсь на то, чтобы жизнь изменила меня.

Я соглашаюсь с тем, чтобы моя сердцевина раскололась, самая моя суть, из которой я обращаюсь к миру. Это точка моей связи с жизнью, и я не смогу покинуть её, не отказавшись полностью от себя. Потому что *растать с собой* означает, прежде всего, порвать со своей *сущностью*. Я прекращаю борьбу, ослабляю канаты: я иду к *возобновлению*.

Любовь пускает корни в землю и тянет ветви к небу. И испытать её значит воскресить память любви, память красоты и

полноты жизни, которая заложена в нас и составляет *первоисточник*, из которого ведём своё начало. С ним я никогда не порывала, я чувствую его как главное в себе.

И я испытываю некую тоску по этому изначальному нездешнему пространству, проявления – даже знамения – которого неустанно ищу на Земле, в своём нынешнем воплощении, предлагающем мне опыт жизни в мире земных реалий.

Это пространство становится критерием для всего, что окружает нас на Земле, когда мы стремимся соединиться с Другим, соединиться с миром и с тем, что называем трансцендентностью. Нам бы хотелось, чтобы всё, с чем сталкиваемся, что чувствуем, переживаем, свидетельствовало об этом пространстве, которое также и наша важная *связь* с жизнью, та, из которой выстраиваются все остальные связи; чтобы всё было даже не отражением, а воплощением *первоисточника*, всецело проникаясь им. Мы хотим воссоздать *мир гармонии* посреди мира земных обстоятельств, мы хотим приобщиться к влекущему нас чувству бесконечного и отыскать, наконец-то *отыскать первоначальную обитель*. Подобно деревьям, соединяющим небо с землёй, мы произрастаем из самого малого и тянемся к самому высокому, этому внутреннему пространству, которое возвращает нам чувство единения и безраздельной принадлежности миру.

Мы ищем лицо, в котором слились все прочие лица. Ищем лик любви, соизмеримый с бесконечностью, что заложена в нас. Но любовь Другого, как известно, переживается в реальной жизни – в этом мире *событий*; порой жизнь сковывает нас, как тесная одежда, если мы находимся в поиске иного мира, мира гармонии, превращающего жизнь в *волшебство*. Тогда, разочарованные и обиженные, мы высвобождаемся из жизненных обстоятельств, чтобы вернуться к абсолютному внутри себя, к памяти, которой больше всего хотим хранить верность. И нам не нужно ничего, что её недостойно, в чём она не выражена хотя бы частично. Мы хотим любить того, в ком проявится изначальное пространство, первоизданная связь. И мы постепенно удаляемся от этой слишком стесняющей жиз-

ни; мы удаляемся и уже едва касаемся земли, на которую отказываемся ступить, потому что, будучи верными этой памяти, этому ставшему для нас *священным* пространству, не поступимся возможностью обрести наконец *гармонию* вне всяких обстоятельств, быть в *единении*, быть неразрывно *связанными*.

Поэтому жажда не проходит. Мы продолжаем искать в Другом отражение изначального, и выстроенный образ* остаётся незавершённым. Когда сгорает любовь, остаётся *идея*, та самая, что хотим заново воплотить, провести – иногда не без усилий – в жизнь с её земными проявлениями.

ВДОХНОВИТЕЛЬ

Подобно словам, любовь – *превосходный вдохновитель*. Прежде всего, она обнаруживает нашу способность любить. Она черпает в том, что нам известно о себе, чтобы выявить ещё неизвестное. Протянувшись от самого малого к самому великому, от видимого к невидимому, она приводит нас к соединению полярностей, больше того – к их примирению.

Любовь стремится превратить глину в золото, сделать из встречи с Другим одну из дорог к *первоисточнику*. Только как, находясь среди земных ограничений, попасть в это волшебное пространство, где пульсирует бесконечность? Надо ли отказаться от идеального согласования пределов и беспредельного?

Эмпедокл говорил: «Огонь виден только из огня».

Я вхожу в сад, склоняюсь над розой, ещё бутонем, и уже хотела бы видеть её с раскрытыми лепестками, впитывать, впитывать и трогать ожидающий её свет. Я смотрю на семя и угадываю плод. Но случается, что повреждается лепесток, что слишком много воды, слишком много земли... В саду любви порой не происходит отклика.

Я предпочитаю позволить любви изменить меня, чтобы, пусть даже в земных условиях, услышать звучание бесконеч-

* Соотносится с рассуждением из второго абзаца главы «Пчёлы невидимого». (Прим. переводчика).

ного, которому сохраняю верность. Это лучше, чем признать невозможность примирения бесконечного и реалий жизни в своей встрече с Другим или же чем прийти к необходимости изменить Другого, лишая таким образом волшебства всё, в чём нет желаемой гармонии.

И вот ты уже не напротив Другого, а наконец рядом с ним. И снова с самим собой.

МИМОЛЁТНОСТЬ

Только спустя годы узнаёшь, какой ущерб причинил ураган, помимо сорванных крыш, сломанных деревьев, истерзанных лесов. Через год, два, или, может, через лет семь или десять замечаешь невыросший листик, осевший участок земли и невозстановленный фундамент.

Но также бывает, что появляется почка, которой не ожидал, и вместе с ней ощущаешь прилив неистощившейся энергии, неизменный свет, то, что Спиноза называет желанием, составляющим «силу жизни», «упорствование в своём бытии» и стремление к радости существования.

В течение казавшегося нескончаемым времени ты блуждал от одной тени к другой, а сейчас идёшь к свету, слабому и дрожащему, конечно, но уже различимому, свету настолько неустойчивому, что он почти исчезает, если хочешь его коснуться. Протягиваешь палец, руку, дотягиваешься наконец до долгожданного просвета. И тогда просто стараешься жить в снизошедшем, как спасение, свете. Чувствуешь неприметное движение – и этого достаточно. На пороге спасения просишь у мира самое меньшее – воду, хлеб, слово; просишь его дать немного красоты и вслед за ней – смысла, который внезапно рассыпался.

Вскоре поднимаешься со дна страха; в изумлении следуешь за путеводной нитью и вновь обретаешь силу, на которую

больше не надеялся. Видишь, что жизнь ещё не ушла. И хочешь, чтобы всё тебе было возвращено.

Всё. Даже любовь. Даже если так трудно снова верить в любовь. Хочешь жизни во всей её первозданности, жизни, совершенно иной, но неизменной в том, что касается твоего желания праздновать её; надеешься, что тень ни на что не повлияла, даже на воспроизводящие её движение слова.

Всё будет возвращено – однажды уже не сомневаешься в этом, – но всё вернётся иным и будет неузнаваемым.

Остров. Я вижу то, чего не замечала до сих пор. Движемся по узкой дороге, и можно подумать, что вместе с ней постепенно разворачивается нить нашей жизни. Океан, тонкий слой земли, раскинувшиеся на ветру деревья – ни один из элементов этого пейзажа, которые считала вполне понятными, не говорит со мной на прежнем языке. С восторгом я смотрю на протяжённый, изобилующий очертаниями горизонт, одновременно привычный и незнакомый, и знаю, что этот мой новый взгляд идёт изнутри меня.

На воде паруса судна неспешно наполняются воздушными потоками, забирают с собой немного земли и немного неба. Внимая клокоту волн, плотности облаков, я слушаю, как терпеливый и переменчивый мир вокруг меня с благодарностью и самоотречением вступает на путь ветров. С каждым морским путешествием я узнаю всё больше об этом стремительном освоении подлинности и красоты. Всем телом предчувствую ход парусника, который поддастся волне или пойдёт наперекор ей, продвигу, как он накренится от шквального ветра и качнётся, рискуя перевернуться и заставляя прерваться дыхание. Открытое море, я знаю, увлекает меня за пределы того, что мне подвластно.

То, что нами движет, берёт начало в нашей способности к удивлению перед возобновлённой силой жизни. Мы идём вперёд благодаря умению изумляться, вдохновляющему нас и наделяющему привилегией развития, поддерживающему нашу неугасимую жажду познания, жажду любви и жизни. Любовь, – говорил Руми, – это «квинтэссенция переживаемого изумления».

Подобным же образом действует сомнение, максимально побуждая нас к совершенствованию, позволяя осмыслить свои ценности. Слишком часто мы боимся сомнений, боимся, что развалится то, что они потрясут, разрушится то, что они расшатывают. Они же, напротив, укрепляют то, во что вносят хаос, и трещина, вызываемая ими, выводит нас из парализующей неподвижности.

Мы знаем, что любовь и страх не уживаются вместе. Они по разные стороны одной реальности; нельзя желать одного, а руководствоваться другим. Иногда мы призываем любовь, а появляется страх и расправляет свои паруса, скрывает дороги, застилает открывавшийся нам горизонт.

В итоге остаётся только наша жизнь. Мы ютились на острие часовой стрелки, показывающей призрачное время – *хронос* – невесомое перед лицом вечности. Перед нами предстала могущественная красота всего живого, его порой нестерпимая хрупкость, мы прошли через тиски памяти, напряжение поиска, восхитительный и неизбывный круговорот дорог неведомого, на которых познавали себя.

РАЗЛОМ

Линия перелома, зона разрыва, вдоль которой две поверхности смещаются относительно друг друга. Трещина земной коры. Область смещения, трансформный разлом. В геологии говорят о разломах разных масштабов – от минимальных смещений вплоть до сдвига тектонических плит.

Рассвет на ещё не проснувшемся острове. Скоро покажется солнце – сначала размытым ореолом, потом огненной линией над гребнем облаков, оставшихся от ночи, и, наконец, его ясно очерченный световой диск выкатится из океана; птицы уже успеют отряхнуть пёрышки, и мы услышим первые ноты их переливчатых мелодий.

Но в этот час остров ещё окутан тишиной. Я открываю свой блокнот. В тот день, в ту ночь земля дала трещину.

Меня резко качнуло.

Трещина расширяется. Боль проступает вновь, она такая же острая, как в тот момент, когда я прочла пришедшие среди ночи слова. Как обширная рана, как брешь, нарушающая целостность. Иногда два мира расходятся, как континенты. Это начало другой жизни.

Линия горизонта освещается. Поверхность моря постепенно становится прозрачной, розовые и оранжевые полосы струятся по ней, небо светлеет, и земля вместе с ним.

Вначале едва уловимо, потом всё отчётливей я ощущаю, как тяжёлый груз сваливается с моих плеч, с моей души, как спадает напряжение.

Будучи результатом движения, *разлом* – первый признак возобновления. Ещё не ясно, какие он даёт возможности – сначала они деструктивные, но по мере того, как он меняет форму и становится *расщелиной*, *проёмом*, почти *воротами*, мы замечаем брезжащий в нём свет.

И тогда всё возможно. Уже слышится обещание перемен, чувствуется наступление нового, уже виден намечающийся живительный просвет; вслед за разломом нам открываются дороги бесконечных возможностей. Трещины – это коридоры, это импульсы для преобразований.

*Ex perfecto nihil fit**. Трещина – это не *изъян*, она не нуждается ни в исправлении, ни в восстановлении. Скорее, она предлагает испытать неограниченность возможностей. Изречение алхимиков напоминает о том, что для изобилия необходимо существование пустоты. Ведь это из пасти тьмы рождается свет.

* «Совершенное бесплодно» (лат.); автор разделяет мнение о возникновении и популярности фразы в среде алхимиков. (Прим. переводчика).

Разлом благоприятствует возобновлению. Но прежде, до того как стать обновляющей море волной, он подобен иссушающему ветру, предвестнику разрушения, рассекающему пространство памяти на «до» и «после». Затем трещина видоизменяется, и мы оказываемся внутри, в следующей фазе обновления – на сей раз спиралеобразной, вносящей преемственность в самое сердце разлома. И оттого «до» и «после» теряют свой разобщающий смысл и образуют одно целое, единое повествование, разворачивающееся на фоне всех разрозненных событий.

Память о том, что было, непрестанно меняется по мере развития личности. Я возвращаюсь к истокам, и тут же, неуловимые, воспоминания становятся зыбкими, их очертания смутными, и мне не различить ни контуров, ни образов былого; мне хотелось бы понять всё о прошлом, чтобы превратить пустыни в сады, чуждое в близкое, хотелось бы преодолеть обледеневшие реки, волны приливов, мне бы хотелось... Но прошлое, к которому можно приблизиться только сквозь призму настоящего, выскальзывает из рук, рассыпается пылью на ветру, ускользает от меня, так что остаются только отблески и тени, которые я бережно собираю в свете каждого своего дня на острове.

Далеко не линейная, память, как об отдалённых, так и о текущих моментах, выстраивается скорее циклически и существует в виде последовательных слоёв, взаимно перекрывающихся и образующих конструкцию, в которой всё переплетено, всё составляет единую непрерывную связь. Такая цикличность присуща, конечно же, самой жизни; начиная с атомов и до планетарных орбит, от мира растений до *сакральной геометрии*, от учений суфизма до Платоновых многогранников – повсюду «всякое тело вращается вокруг другого тела»*.

Спираль тянется вдоль невидимой вертикальной линии времени, и с каждым витком спирали на этой линии оседают частицы нашей памяти, стремящейся издалека к самому центру.

* Платон. (Прим. автора).

Что-то откладывается там, но и что-то, о чём трудно судить, утрачивается из этой вновь и вновь перекраивающей свои бороздки памяти, из этих переиначивающихся в процессе воспоминаний событий. А того, что происходит в настоящем, ещё не рассмотреть, ещё не приобщить к прошлому.

Солнце поднялось в зенит. Теперь всё утопает в расточаемых им лучах. Листья шелестят и раскачиваются, как веера, птицы летают над кораблями, пока те поднимают якоря и удаляются от берега в открытое море, которое их ждёт.

МАЙ, ИЮНЬ, ИЮЛЬ...

Я углубляюсь в лабиринт своей памяти – мир, пульсирующий в каждом мгновении. Рассеянные в прошлом, события образуют невнятную путаницу, затем, более упорядоченные, они складываются не в строгий линейный коридор времени, а в мозаику свободно перекликающихся воспоминаний. Это не я погружаюсь в них; это они наступают меня в свете мая, сквозь ветры июня, по песку июля – подобно раскрывающемуся окну, внезапно размыкается линия горизонта, а вместе с ней и память. Мелькает воспоминание и увлекает меня по спирали пройденного пути; воспоминание постепенно обретает форму: *всё – предстаёт – передо мной*, ещё раз я возвращаюсь к тому самому мгновению, когда это произошло, к тому дню, к той ночи. Тени скользят по стене, понемногу поглощают свет, счастье; всё счастье прошлого бесследно исчезает, вскоре остаются одни эти громадные тени, которые сбрасывают меня с отвесной скалы, и я кружусь, верчусь в круговороте, и кружатся слова, до тех пор, пока не распахнётся окно, открывая взору внутренний пейзаж, пока не возникнет проём, пока слова не выйдут наконец на новый виток спирали и не обнаружат новой и спасительной точки зрения, с которой *я увижу, увижу иначе все вещи*, всё развитие событий.

Совсем не похожая на гладкую дорогу, порядком изрытая,

память то свернёт цепочку событий, то развернёт её, чтобы свернуть снова. Память повторяет рисунок судьбы столько раз, сколько необходимо, чтобы вскопать свою богатую почву, чтобы расширить поле порождаемых ею образов, и чтобы в этом повторении предстали бесчисленные возможности для новых сценариев в прежнем русле. Мы никогда не кружимся на месте; как дервиши, мы смещаем реальность перед собой до тех пор, пока она не изменится и история жизни не станет другой.

Слова мне подсказывают дорогу; больше того, они выкладывают её по мере движения. Сотни раз одно и то же слово, сотни раз, и вдруг возникает другое, прорывает бороздку и вызывает к жизни новую реальность. Какое-нибудь слово больше не соответствует тому, что обозначает, и тогда появляется *зазор*, влекущий за собой другое слово, новое, и вслед за ним – новую, обращённую к настоящему, память. Так для прошлого появляется возможность завершения, избавления от самого себя.

Солнце раскаляет остров. Полностью изгоняя тень, оно не оставляет места для укрытия. Оно заглядывает повсюду и отыскивает то, что притаилось под камнями или спряталось среди дюн. Его палящие лучи пробиваются в сердце всего вокруг.

Утопая ступнями в горячем песке своей памяти, я возвращаюсь к детству, к летним каникулам на берегу океана, к волнам начинающихся приливов, к отцу, к матери, к привязанностям и к одиночеству, к играм, огорчениям, счастливым воспоминаниям и ко всему остальному.

Июль. Море переполнено светом, я снова чувствую в руках мякоть креветок и лангуст, раздавленные ракушки. Я проникаю в эту пружинку детства, чтобы раскрыть её: в ней всё, что она усвоила о любви. Я увижу там удаляющиеся лица и закрывающиеся за ними двери, невосполнимое отсутствие, услышу пустые слова, повторяющуюся ложь; моё сердце и душа прикоснутся к нескончаемому одиночеству, и я, может

быть, никогда не пойму, что делать с этим средоточием одиночества, глубокого одиночества. Любить, быть любимой – буду ли я способна? Как отмежеваться от этого мира отца, матери, который я хотела бы привести *в гармонию* с моим миром, чтобы отыскать там столь желанную, долгожданную любовь?

Май, июнь, июль. Прошло время, но во мне те же волны, те же отголоски потрясения, которое я пережила, и мне снова необходимо проследить его траекторию, прочувствовать его силу, глубину. Мне надо растянуться на камне и созерцать горизонт, прикоснуться к памяти, выстроившейся с момента шока, и перебирать слова и ощущения, позволить им без конца кружиться во мне, чтобы избавиться от них наконец. Чтобы круг наконец превратился в спираль, и история подошла к своей *развязке*.

Май. Одно слово – и память отзывается, воскрешает происшедшее, пережитое смятение, навевает оставшиеся неизменными ощущения: запах земли, поблекшие цвета, эхо сильных ветров, мимолётные проблески. Я вспоминаю озеро, холодные воды, в которых клокочет загнанная в рамки жизнь, моя нещадная внутренняя борьба. Гуси протяжно кричат в затянутом тучами небе, лёд с треском раскалывается, почки на деревьях лопаются. Вот уже волны прошлого настигают меня, и сначала я чувствую только наплыв серости, обволакивающий мне тело и душу. Протянувшаяся позади и передо мной, жизнь кажется невнятным месивом, скоплением разрозненных эпизодов. *Боль и смерть*, потом *одиночество*, следом *скала*, *возобновление*; слова бороздят темноту, в логове которой я продвигаюсь наугад, – от их дуновения встают вихри пыли, занавес поднимается, и я снова вижу тени, борьбу с ангелом, тот день, ту ночь, жизнь, сгорающую в пламени и пепле.

Как местность, так и слова, расставленные как светильники, что освещают путь по дороге к себе, пробуждают память и чувства, ассоциирующиеся с ними. Они приводят в движение то, что *буксовало на месте*, не позволяют событиям в памяти затвердеть и сыграть *пагубную роль*. Слова намечают жизнен-

ные этапы, называют их, идентифицируют, и от этого внутри всё оживает и откликается на воспоминание. Они так воздействуют на реальность, что пережитое проходит сквозь сознание и обретает ту особую энергию, что способствовала его запоминанию. В результате эффекта отражения воспоминание и сопряжённые с ним переживания усиливаются, открывая доступ к спирали, в которую это воспоминание и устремляется, пытаюсь ускорить *развязку истории*, разорвать цепь повторений. Тогда *новое* может возникнуть, а память, *верная обещанию*, может привести к освобождению. Таким образом, память, счастливая или болезненная, – это не только дань *прошлому*, она формирует мир, пульсирующий в настоящем.

ПРОВОДНИКИ

Не существует скудности слов, бессилия речи, есть только их тайна, безмерная, бесконечная. Не существует беспомощности слов по отношению к окружающему – они стремятся к вещам вокруг настолько, что вызывают их к жизни, иногда возвеличивая их, как случается возвеличить какого-нибудь человека или чувство любви. Деятельность писателя уходит корнями в желание. Оно свидетельство и даже выражение этой деятельности. Писать сродни погружению с задержкой дыхания, при котором надо продолжать дыхание внутреннее. Временами хотелось бы остаться на берегу, суметь избежать продвижения ко дну, но то, что ищешь, можно найти только там, в глубине, на самой глубине. Там, где слова ставят вопросы, проецирующиеся на твою жизнь.

Соединение с Другим происходит не только на уровне телесном, но также и на уровне языковом, среди островков смысла, что связываешь между собой. Изобретаешь архипелаги, которые повествуют о твоей жизни, рассказывают об объятиях ветров, говорят о силе снов в самом центре души, о неисчерпаемом одиночестве, о твоём желании радости, о твоих поисках бесконечного.

На этом острове, наедине со словами-попутчиками в преодолении дней, я возвращаюсь к прежним событиям, чтобы пролить на них свет, возвеличить способность любви побуждать нас к самореализации. Сквозь оптику языка смотрю я на высоту скалы, на безбрежность моря, вижу свет, прорывающий ночь.

Любить каждый сад – я бы хотела любить каждый сад: сад цветов и сад теней, фруктовый сад и сад песков. Так я учусь движению, приятию течения жизни.

Я всегда всё просила у слов, и прежде всего, чтобы они открыли передо мной головокружительные дороги к неведомому, позволяющие познать себя – те дороги, на которых я уже не знаю ни кто я, ни куда иду. На них начинается настоящее путешествие. Слова переносят меня в пространство, где я ощущаю свою свободу, во всей безграничности, и своё присутствие в мире, во всей полноте. На краю пропасти мне всякий раз выпадает случай идти всё дальше внутрь себя.

Подобно тому, как настоящее может быть только сотворённым, прошлое может быть только вымышленным. Слова дают мне возможность представлять, а значит – видеть.

ВИДЕТЬ

Мы думаем, что не выбираем, что не делаем выбора. Считаем себя брошенными в руки судьбы, которая, как море, то покачивает нас, то яростно встряхивает, но никогда не предоставляет нам выбора. Дверь романтической истории закрывается, и мы полагаем, что не хотели любви, не стремились к ней и о ней не просили.

Дверь закрывается передо мной, и я тут же забываю мгновения, когда втайне, всего в течение нескольких секунд, желала, чтобы всё изменилось, чтобы моя жизнь вышла на новые дороги; я забыла дни, когда держала в ладонях другое лицо,

когда я думала уйти от Любимого, думала, что эта любовь, быть может, иссякла. Я забыла те несколько секунд, за которые увидела, как вся моя последующая жизнь угаснет, если ни один новый порыв не коснётся её. Я забыла утраченную пылкость, выцветшее желание. Забыла те короткие мгновения, из-за которых возникла брешь в *безупречной реальности*, в счастье без изъяна, и которые оставили свой след, отпечаток тайного, невысказанного устремления.

Когда вспоминаются эти моменты, больше нельзя закрывать глаза, надо перелицевать одеяние боли и начать видеть.

Видеть. Нужно долгое время, чтобы просто открыть глаза, и ещё дольше – чтобы снова закрыть их и спуститься вглубь себя, пока внутренний взор не обнаружит то, чего никогда не хотелось видеть. Нужно долгое время, чтобы перейти линию, за которой крайняя степень страдания может стать вызволением из рамок и пределов собственного «я» – вернее, того «я», каким оно было до сих пор, – чтобы спуститься и услышать свою песнь, и вместе с ней – песнь самой жизни в её высшем и таинственном выражении.

Это «песнь, в которой поётся о том, чего никто не знает», – пишет Клаудио Магрис. Мы хотим «спеть тайну жизни и смерти», изучить быстротечность и постоянство, «постичь эту неразрешимую загадку “до” и “после”, “никогда” и “вечно”, “ты” и “я”...»*. Мы горим желанием познать, и это устремление уводит нас очень далеко от самих себя, если любовь, если другой человек становится царящим в нас божеством.

Тогда мы живём в подобие *кокона*, в котором ничего не боимся; есть мы сами, есть Другой, и это всё, что существует. Мир заполнен – *раз ты не умираешь и раз ты не покидаешь меня, мне ничего не страшно, мне ничего не нужно, кроме тебя, чтобы беседовать с миром.* И правда, нет больше слов, кроме тех, что исходят от Другого и удерживают нас в пещере, где мы живём, как призраки. Но из этого кокона, непролицаемого для всего, что находится извне, никогда не вылетит бабочка.

* Клаудио Магрис. (Прим. автора).

Познай самого себя. Сократовское изречение, которое также является одним из буддийских предписаний, напоминает нам, что источник всякого знания находится в нашем знании о себе самих. Что приобретаем мы в результате потери Другого, если не свою *основу* и не любовь, которая, может быть, теперь изменилась до неузнаваемости?

Мы стремимся к Другому с целью не его спасения, а своего. Нам нужен Другой ради самих себя, чтобы добраться до сути своего «я», то есть, чтобы *увидеть* себя, *познать* себя и таким образом откликнуться на зов, требующий преодоления границ, что отделяют нас от подлинного «я».

Приводит ли нас к Другому сила желания? Необходима ли для счастья встреча, как говорил Андре Жид, или же, напротив, наш внутренний настрой, наше воодушевление, наши искания притягивают счастье в жизни?

И что означает самоотречение – способность принять Другого или же, напротив, отдать себя, подарить всё, что в нас есть? Как прийти к самопожертвованию, если нет ни дара, ни дарителя, ни принимающего дар?

Я перешла от изобилия сада к бедному растительностью берегу моря, чтобы смотреть на протянувшуюся под небом глубину, проникаться ощущением бесконечного, которое её вид неизменно порождает во мне. Вот что я нахожу здесь: море, небо. И трудно сказать, кто даёт, а кто получает.

Растянувшись на песке, я рассматриваю преобладающую в небе синеву, поглотившую все цвета, кроме собственного. Так же и со мной – я вижу в Другом то, что преобладает во мне, что при взгляде на него высвечивается во мне самой.

КРОМКА

Я чувствую лёгкое прикосновение воздуха к коже, мне не терпится открыть окна, отделяющие от меня море и небо, деревья и просторные поля. Мне не терпится увидеть чарующее

действие света, вдохнуть запах садовых цветов, свежих трав, коснуться земли и удержать в ладонях весь этот мир.

Мы живём среди *деревьев, домов, мостов, океанов*, напоминающих о недолговечности, но также и о единстве, о далях и расставаниях, но также и о близости, о видимом, но и о невидимом. *Здесь* – это водоворот притягивающих нас крайностей, участвуя в котором мы приближаемся к недостижимому и преодолеваем первородный разлад с миром.

На границе своего «я» мы открываем *безграничность*. Эта *кромка личности* и есть *Открытое**. Мы празднуем его, как *песнь*, невыразимую, как мир подлинного присутствия, и вверяем себя дыханию преображённых вещей, этому пространству, где Всё наконец становится Единным.

Мы сотканы из связей, но нам надо понять природу этих связей: это не *привязанность*, а *созвучие*. Ничего не удерживать, потому что всё устроено так, что ничего нельзя удержать.

Открытое – территория, где мы принимаем волю сущего, где *отстраняемся* от себя, чтобы прийти наконец к подлинности *присутствия*, – являет нам смысл истинных связей, связей *без оков*, наше внутреннее пространство абсолютной свободы, в котором открытость и обновление заменяют собой *разрыв*.

В *Открытом* сливаются ближнее и дальнее, соединяются преходящее и вечное, внутреннее и внешнее, там нам доступно наконец чувство единения со всем, там совершается преображение. Эта территория – «я несу её в себе»** – это сердце. По ней пролегает кромка личности. *Бескрайнее пространство, разлетевшаяся сердцевина своего «я»: здесь нахожусь, сюда устремляюсь*. Отсюда преодолеваю границы.

С приходом *Любви* проявляется, в своём главном выражении, бесконечность, и мир проникает во все поры. Любить, быть любимым, *отстраняясь*, возвышаясь над тем, что отда-

* Понятие, которое мы находим у Рильке и к которому я прибегаю, давая ему новое развитие. (Прим. автора).

** Рильке. (Прим. автора).

ляет и разъединяет, сливаясь с Целым, всё принимая, возвеличивая беспредметную, безличную Любовь. Пылающая мощь, огни пожара, стрела, попадающая дальше цели. Больше нет ощущения пустоты извне, а есть наполненность внутри.

Наше видение мира отчасти обусловлено личностными устремлениями, и наши представления меняются, повинувшись внутренним движениям. Больше всего мы жаждем просвета, ведущего к Другому и вместе с тем – к расширению пределов нашего «я». В основе каждой жизни лежит способность к изменениям. Любовь склоняется над разломом, обнажает его, тревожит; это процесс, необходимый для перевоплощения.

СКАЛЫ

С окончности острова я смотрю на небо, на море, на оттенки голубизны, взаимопереходящие и почти сливающиеся между собой; расходящиеся на их фоне облака пускаются в самостоятельный путь. Я снова вижу форму архипелага, эти чётки из островков земли, связанных между собой; узор чёток не различить с близкого расстояния – тени наплывают на них и совершенно меняют их очертания. Я приехала сжечь воспоминания. Внутри себя я замечаю то, что догорело и просит сейчас о возрождении. Я отчётливо слышу звук закрывающейся двери и решительно сжимаю дверную ручку.

«Все связи сходятся в точке любви...» Связь с собой и с Другим, связь с миром, с бесконечностью... любовь порождает их все. Солнце уже задевает край горизонта; с каждой секундой безупречный красный диск, очерченный в замутнённой синеве океана, искажается всё больше, вплоть до того, что через несколько минут он исчезнет, оставив только воспоминание о залитом светом дне на острове. Всё связывает нас с любовью. Но связующее – не сама любовь, и то, что кажется нам спасительным, может точно так же погубить, равно, как и пагубное может принести спасение.

Вспоминается тысячи раз проигранный в мыслях сценарий утраты. Он создаёт брешь, или же он всего лишь извлекает её на свет? Я столько раз представляла себе смерть, столько раз представляла смерть Любимого, что эта смерть всё-таки наступила. Представляла, как внезапно потерю эту любовь, вернее даже, как у меня отберут её; это могло бы произойти на воде, в автомобильной аварии или от застрявшего в горле куска; может быть, при переходе улицы или от стремительно одолевшей болезни; возможно, из-за поражения головы или сердца, днём или ночью; есть тысячи способов умереть, всё можно представить, самые разные сценарии, и сказать себе в глубине души, что они *никогда* не произойдут. Но мы не представляем, мы творим.

Я возвращаюсь к забывшимся мгновениям, когда втайне желала новой жизни, когда, не зная, что именно препятствует ей, просила о свободе, просила о возрождении. Даже безмолвные, мои просьбы исполнились. В этом заключается сила обновления. Надежда. Радость. Непрерывный диалог с жизнью. Невозможно решить прервать его в какой-то момент. С самого начала он длится без усталости и без отклонений. Даже, если забываем о нём, даже если противимся ему.

В то время, когда нить любви обрывалась, я ничего не сделала. Я не бросилась ловить её, пока она не выскользнет окончательно из пальцев и не исчезнет в тумане прошлого, не станет одним из эпизодов моей жизни среди прочих, – я не отправилась вслед за этой любовью, не попыталась её удерживать. Я вспоминаю мгновение, когда связь уже оборвалась, а я не пошевелилась, не постаралась спасти то, что оставалось во мне от этой любви, не шелохнулась. Я не остановила вращение колеса, не остановила ход стрелок.

Сегодня, уже осознавая свой выбор в тот момент, я чувствую себя захваченной течением своей жизни, как никогда прежде, – парящей, словно птица в полёте.

ВОЛНЫ

Они внезапно вздымаются, изгибают спины, потом подпрыгивают и накрывают собой песок, обдают брызгами скалистый берег, неслышно подтачивая его, и отступают, оставляя после себя застывшее и холодное побережье с россыпями раздавленных ракушек, рыбьих скелетов и панцирей с наполовину изъеденным содержимым.

Я в сильном смятении, картины воспоминаний путаются: ушедший Друг, потерянная Подруга и лицо моей матери в последнюю минуту, в тот момент, когда проступает самое важное, когда больше ничего не важно, кроме происходящего здесь, в яростно пульсирующем сейчас; жизнь приоткрывает свою тайну в минуту угасания. Я смотрю на лицо матери; через несколько часов её не будет, и с ней уйдёт живая память *о каждом из моих шагов*. Ещё один час истекает, она отправляется в последние дали своей жизни, препровождая меня как можно ближе к жизни моей, и, пока я шепчу ей просторные коридоры света, рисую звёздный мир, она завершает свой длительный путь. Солнце садится за горы, я закрываю её плечи простыней: сколько времени нужно для преодоления обратной дороги, для того, чтобы сложить вещи многих лет, окинуть взглядом пройденные тропы, в последний раз ощутить радости, стереть сожаления, оставить в стороне мучения, неудачи и невзгоды, неразрешённые проблемы? Сколько времени, чтобы уже не хотелось чувствовать ни прикосновений ветра к лицу, ни объятий мужа, ни детей? Сколько времени нужно, чтобы довериться происходящему, раскрыть ладонь, дать соскользнуть с неё ладоням, которые она держала при жизни и больше никогда не будет держать, если только – кто знает – не по другую сторону этого неба, что видим в окно?

Вздох, последний вздох, и ни одного слова, остаётся только любовь, одна любовь. И ещё «никогда больше», уже заполняющее собой горизонт, с которым нужно жить; отныне *никогда больше не будет ни голоса моей матери, ни тела моей матери, никогда не будет её рук, обнимающих меня, ни её слов, меня*

успокаивающих, не будет её запаха, её безудержного смеха, её невыплаканных слёз, никогда, больше никогда не будет моей матери. Только моя жизнь, мучительно свободная, открытая ветрам.

Отныне есть «мир до» и «мир после»...

...так, словно резко сорвало крышу с моего дома, словно неистовым вихрем выдернуло нить, направляющую мой путь, словно молчание разлилось на всё вокруг, словно бури пощадил только самое главное – этот краткий миг, уязвимое, последнее *сейчас*.

Подобно воспоминаниям, волны находят друг на друга, сливаются и превращаются в единый морской вал, в океан, в котором не различить ни прошлого, ни настоящего. Я больше не замечаю переплетений лиц перед глазами, а только то прислушиваюсь к голосу одного из них, то всматриваюсь в черты другого, то пробираюсь в темноте извилистых дорог.

Нужны годы, может быть, нужна целая жизнь, чтобы увидеть Другого отдельно от себя, чтобы понять, что познанию доступна будет всего лишь незначительная часть не только его личности, но и своей собственной, и что в этом познании будут и заблуждения, и просветы.

Захваченная мерным качанием волн, я обретаю ощущение проходящего времени, времени, с которым проходит боль. Период обжигающей боли оставил ожоги на теле и в душе. Впереди – ничего, только течение неуловимой материи, составляющей жизнь. Я переворачиваю песочные часы. Я даю превратиться опаляющему пламени в преобразующий огонь. Линия, пролегающая между состояниями пустоты и наполненности, очень тонка, потому что и пустое может источать радость, простую радость *быть живым*.

БЕЗГРАНИЧНОСТЬ

Есть много слов, чтобы сказать о любви: *я люблю тебя – я люблю тебя неиссякаемой любовью – я люблю тебя бесконечно.*

И ещё: *я хотел любить тебя, как Бог.*

Любовь без границ, без изъянов.

Но, может быть, любовь, человеческая любовь, отнюдь не является бесконечной, беспредельной, безупречной; может быть, она как раз держится на границах, на пределах, вызывая расхождения и даже контрасты, позволяющие проверить нашу способность к признанию рельефности мира, в котором живём. Знаем ли мы, до какой степени нужно идеализировать любовь, чтобы она превзошла ограничения и была достойной воплощённой бесконечности, образ которой преследует нас?

Анаксимандр придерживался взгляда, что взаимные противоречия вещей со временем уравниваются. Эта идея присутствует также и у Гераклита, отдающего дань плодотворности конфликтов и примирению крайностей, и у Эриксимаха, объясняющего гармонию мира любовью, которая для него – соединение противоположностей.

Необходимо размышлять о *пределах*, чтобы прийти к согласию с миром – не к безразличной покорности ему во всех проявлениях, а к согласию принять то, что в нём есть, не одобряя неприемлемое. «Принять мир, – пишет Тьерри Хенч, – значит принять и то, что я отвергаю в нём, принять и моё несогласие с ним. В мире неровным, но неугасающим светом сияет способность распознавать».

Таким образом, противопоставление, мысленно представляемое в виде границы, благоприятствует гармонии. Если «мир без границ – это лес без дорог, пустыня без дюн, море без берегов»*, то безоговорочная любовь не формирует противостояния и потому подобна небу, настолько слитому с морем, что их не разделить. Любовь без сучка без задоринки не на-

* Тьерри Хенч. (Прим. автора).

ходит за что закрепиться. Однажды подуют сильные ветры и унесут её вместе с собой.

Понятие предела неотделимо от человеческого опыта, от самой человеческой природы. Наделённая гибкостью, широтой и лёгкостью, предельность составляет самый центр наших исканий, нашего *стремления к абсолютному*. Отказ от неё, или отрицание её существования, ведёт к непризнанию заложенной в нас энергии, вдохновляющей на преодоление пределов, преодоление самих себя. Отрицание пределов приводит не к освобождению от них, а скорее к лишению себя духовной реализации, к изъятию себя из царства чувств, которое для нас и пространство обитания, и предмет важнейших устремлений. Между миром восприятия и миром осознания всякая граница равна призыву. Мы знаем, что задаться вопросом о бесконечности – уже значит внутренне подтвердить её существование.

Любовь как *идея*, взятая в платоновском смысле, предполагает *отсутствие пределов*. Это пространство без границ, с которым связываем свои надежды в избавлении от цепей, удерживающих нас в плену тесноты иллюзий.

Эта *идея* безграничной любви запечатлелась в душе, оставила в ней след, так что, встречаясь с её отблеском в действительности, мы стремимся приблизиться к ней. Поэтому в чувстве к Любимому проявляется одновременно и наш идеал, и жажда бесконечного. В каком-то смысле именно об этом пишет Платон в «Федре», говоря об абсолютной Красоте.

Но такая любовь не унимает пыла исканий, жажда остаётся неизменной; моё устремление к *нездешнему* не прекращалось. Даже в любви я снова искала любовь. Ту любовь, что будет питать мою свободу – в гармонии неизмеримо малого с бесконечно большим, в соединении неустойчивого с совершенным, границы с безграничностью, разлома с порождаемыми им возможностями. И я жила с тяжёлым ощущением неутолённости и неуспокоенности, отчасти это ощущение выражено в стихотворении Катрин Поцци:

*Он приближался к идеалу,
Я на курок нажала.
Свинцом тяжелели патроны,
Порох дышал истомой,
Вышла осечка, промах.*

Стремясь предстать безусловной, любовь принимает облик безбрежного океана, недостижимого неба, ожога на сердце. И случается, что эта любовь обрушивается со скалы, с которой намеревалась взмыть в небо, или поднимается слишком высоко, подобно Икару... И тогда надо всё начинать сначала, всему учиться заново. Вновь обрести веру в любовь, с её трещинами, её шероховатостями, её чисто человеческими ограничениями. И любить, даже эти ограничения любить.

ИЗМЕНЧИВОСТЬ

Пожухлые листья устилают землю, ночи оставляют после себя прожилки холодных теней, которые день лишь слегка укорачивает.

Почти неприметно сменяется время года. Остров, уступая потокам

ветра, раскрывает ладони и роняет лепестки, отпускает в океан воды прилива. Мир сияет, и пролившийся дождь нарушает совершенные очертания гор, останавливает парящий полёт птицы.

По Гераклиту, «невозможно дважды искупаться в одной и той же реке»*. Я закрываю глаза, открываю их снова. Не за что ухватиться, всё изменилось – *роза, дерево, горизонт*, – вскоре каждая вещь отделится от остальных, незаметно меняясь и не имея иной непреложной основы, кроме этого процесса *изменения*, к которому стремится. Каждое проходящее мгновение

* Несмотря на то, что существуют и другие варианты передачи этого афоризма на русском, в данном случае было отдано предпочтение варианту, наиболее близкому к приведённому автором французскому эквиваленту. (Прим. переводчика).

проникает в нас и тем самым делает нас другими. Если попытаться приостановить поток, в котором движутся люди и вещи, сразу окажется скованным весь ход жизни, и вместе с ним – движение мыслей, ощущений, переживаний и чувств, которые, уже не согласуясь с течением бытия, застынут у нас внутри, затвердеют, принимая формы узлов и канатов.

Мы не преодолеваем боль, мы её переживаем, и утрачиваем таким образом иллюзию относительно постоянства мира и своего собственного постоянства; мы прощаемся с убеждением, что всё окружающее нас неизменно и длится долгое время – в действительности это время коротечно.

Корабль расправил паруса и вышел в море, послушно следуя увлекающим его ветрам. Вместо того чтобы бороться, я покоряюсь течению, чувствую, как тело касается обоих берегов, – я смиряюсь с тем, что жизнь сильнее меня и что никогда мне не остановить её ход.

*То же самое в нас
Живой или мёртвый
Бодрящийся или спящий
Молодой или старый
Ибо первые превращаются в последних
А последние снова превращаются в первых**

Изменчивость позволяет сохранить движение, и тем самым – жизнь. Она определяет принцип нашего существования – *недолговечность*, и напоминает, что мы всего лишь наблюдатели мира и вещей. Сознание изменчивости ведёт к такому представлению о жизни, которое делает её для нас ценной и приглашает принять участие в непрерывном процессе превращений, составляющем её суть, призывает принять эту жизнь, а не противиться ей и не стараться ускользнуть от её мнимой бессмысленности. Как и всё живое, мы *преходящи* и поэтому находимся в непрерывном изменении: от одной формы к другой, от одного состояния, измерения к другому.

* Плутарх. (Прим. автора).

Нам известно – хотя есть столько способов об этом забыть, – что только изменчивость постоянна. Данная идея занимает ключевое место в учении буддизма, полагающем, что осознание бренности причиняет нестерпимое страдание.

Одно дуновение – и узор, который ты терпеливо складывал целый год, десять лет, всю жизнь, безжалостно развеивается и уходит в прошлое как прах. Цвета перемешиваются и вскоре сливаются между собой – красный, охряный, голубой, чёрный, – заря оборачивается сумерками, небо тонет в бездонном море. И надо дать распасться узору, который считал безукоризненным, ничего не удерживать из того, что любил и что казалось идеально гармонирующим с тобой и твоим внутренним миром; надо позволить любви исполнить её обещание *сбыться*, не мешать дуновению жизни и отдать в её распоряжение плоды кропотливых усилий: расстаться с одним ради другого, согласиться с тем, чтобы *быть*, а значит – *становиться*.

Любовь уходит – та, что пульсировала и ускоряла наш пульс, – и остаётся только связующая нить, *вереница событий*, которой стараемся хранить верность в память о себе самих. При расставании с Другим нам дороже всего собственное прошлое.

Способствуя созданию трещин, изменчивость неотделима от уязвимости, которая выражается в подверженности тревогам, волнениям и даже страданиям, поскольку грозит потерей, а значит – вероятностью траура.

Траур. В современном французском – «deuil», звучавшее сначала как «dol» (около 980 г.), затем как «duel» (XII век) и «dueil» (XV век). Происходит от латинского «dolus»: боль. Боль утраты, скорбь, которую испытываем после чьей-либо смерти. Носить по чему-либо траур. Переживать траур. Быть в глубоком трауре. Соблюдать траур по утраченным иллюзиям. Быть в траурном настроении.

Увели меня слова в сторону от этих пяти букв, говорящих о сути разрыва, или, напротив, помогли изучить их досконально, будто бы проникая в мельчайшие изгибы и выемки каждой из них? Как можно испытывать такое страшное потрясение от истории, автор которой я сама?

Траур – это поворот событий. История из жизни. Мир, прекративший своё существование, который надо заменить другим миром. Но прежде надо вернуться в разорённый сад, пройти среди развалин, раскрыть ладонь, дать разлететься пеплу так, чтобы он долгое время держался в воздухе, столько времени, сколько необходимо.

Траур – это смерть, выходящая за пределы смерти. Умирает не только Любимый, но и сама любовь внутри тебя. Было неопишное разочарование, были страх, отторжение, отчуждённость. Срываешь маску со страдания, заглядываешь в самую ранимую часть своего «я», вспоминаешь о бурях, разворотивших всё вокруг, о неистовствующем океане, о душе и теле, неотвратимо скользящих ко дну, о руке, которой не за что ухватиться, об угасающей жизни. Рана настолько глубока, что временами говоришь себе, что не выберешься, что и завтра продолжится эта давящая боль, что и тень, и любовь...

Однажды понимаешь, что *нельзя обойтись без дара*, нельзя не принести своего последнего приношения, которое заключено в *прощении*. Тогда избавляешься от неприглядных оттенков в своей жизни, способных осквернить её: от сожалений, горечи, ненависти к себе, к Другому, злобы, враждебности. Так освобождаешь свою душу. Просишь (о) милости: чтобы внутри восстановились гармония, красота, доброта. Чтобы были дарованы доброжелательность и снисходительность.

Прощение. Pardon. Per donare: оказать милость.

Пощадить.

Прощаешь,

просишь прощения,

и любовь начинает струиться в жилах,

и уже унимается боль.

Траур изживает всё несущественное во мне. Как и любовь, траур – это некое посвящение, призыв к становлению. Из-за него я лишена всякой защиты, ввергнута в сердцевину своего «я» и обязана смотреть на жизнь поверх плеча смерти.

ИЮЛЬ

Солнце забирается в глубину песка, жёсткое и безжалостное, оно обрушивается на море, пронзает его гладь и овладевает всей толщей вплоть до мельчайших тайников тени. Одновременно оно мечется по пустынным улицам, прожигает крытые террасы, сушит деревья, цветы, опалает травы и распластывает свои вездесущие лучи внутри домов.

Я закрываю глаза, сажусь в том же месте, где была в тот самый день, в ту самую ночь. Комната смыкается вокруг молчания, в окне маячит и затягивает меня мрачная пустота; волны, как дикие звери, утаптывают песок, небо гудит, я забываю всё, что мне известно о солнце, о любви и обо мне самой. Приходит отчётливое воспоминание о случившемся. На острие стрелки настоящего времени я ощущаю одновременно и стельки памяти – о том, что приносило радость, и о том, что привело к разрыву, – и уже зарождающиеся тропинки будущего, завтрашнего дня.

Капли пролившихся дождей скатываются барабанной дробью с листика на листик, возобновляется пение птиц – с большим многообразием и даже с большей силой; по небу трещинами расходятся робкие просветы.

Худшее произошло, и отныне я живу с памятью о худшем.

Я живу с памятью о худшем. Как в детстве, я заново учусь ходить, говорить, смотреть, называть.

Что я знаю о жизни, кроме неизгладимой обиды, нанесённой тем, кто любил, а потом перестал любить, что ещё, кроме неизгладимого опыта боли? Внезапно всё исчезло передо мной, растаяла жизнь. Как снова научиться строить? Понадобилась невероятная сила, чтобы просто не сдаться, не опустить рук, не опустить головы, а *преодолеть*, добраться до жизни, до берега, утопающего в тумане. Понадобилась стойкость надежды, чтобы не дрогнуть перед драконом и дождаться его сокровищ.

АВГУСТ

Разорванная, история любви лежит здесь – передо мной и позади меня, – отныне с изорванными в клочки страницами, годами, которые переворачивает ветер. Сколько ночей и дней, когда не будет вставать солнце, когда не станут размыкаться губы для мучительных слов, когда не будут раскрываться объятия, когда тень, когда пустота...

Вселенная больше никогда не будет прежней. Очертания горы выделяются на горизонте, её вершины тянутся к безразличному небу, по которому, не нарушая голубизны, проплывают облака. Довольно пустяка – фальшивящего голоса на конце провода, нескольких слов по электронной почте – и жизнь застывает: больше нет любви, мир пошатнулся, в тот самый день, в ту самую ночь, и никогда уже он не будет тем миром, который я знала, тем миром, в котором я жила.

Из окна комнаты я вижу вновь обрётённый пейзаж, совершенно как прежний и абсолютно другой. Слушаю плеск воды, лёгкий шум ветра, от которого подрагивают листья, улавливаю запахи моря в воздухе с озера и, глядя на деревья, уже предугадываю лес.

ВСТРЕЧА

Расположившись на оконечности прибрежной скалы на краю острова, я смотрю на взмывающих вверх чаек; с высоты им видно то, чего нам никогда не увидать снизу. Они поджидают восходящий воздушный поток и устремляются с ним, широко раскрыв крылья.

Солнце поднялось в зенит. Беспощадное, оно пробивается повсюду, обжигает и преображает, *обжигает и преображает*.

Через несколько часов я покину остров. Снова полечу над едва связанными между собой островками суши, которые од-

нажды может поглотить море, но пока они сопротивляются, прочно закреплённые в настоящем. Через несколько часов архипелаг свернётся во мне, как рассказанная история, самолёт полетит над другими пейзажами, и – раз мы одолеваем прошлое – мой путь пройдёт по другим землям, другие воды омоют моё тело и душу, и боль медленно соскользнёт с моих рук.

Я смотрю на горизонт, вскоре он будет всего лишь частью моих воспоминаний, вскоре небо, море, тень и свет перемешаются, как волны, и сольются в одно целое, что сохранится в памяти об этих месяцах неспешного созерцания.

Нет ни победы, ни поражения. Я пережила страхи, обиды – первую и те, что последовали за ней, – летела с отвесного склона, отвергала себя, приговаривала, и всё это внушает мне ещё большую уверенность в сохранившемся душевном огне, уцелевшем после урагана.

*Оставляешь,
оставлен.
Любишь,
любил.*

Потом ждёшь. Даже когда любви нет, а есть одно ожидание её, она присутствует – в страстном настойчивом стремлении навстречу Другому. Это ожидание необходимо. Ждёшь со жгучим нетерпением того, кто принесёт тебе свою песню, приблизится с новой надеждой любви и человечности.

Вскоре моя рука вновь раскрывается и проводит по другому лицу, прикасается к радости от этой любви, от этой новой дороги, что прокладывает во мне любовь. Нет ни *никогда*, ни *навсегда*. Передо мной замысловатый узор, прочерченный *тропинками «до»* и заново воссоздающий отрывочные фрагменты, которые сохраняются в мире *«после»*, – я принимаю то, что приобрела, и то, чего лишилась, пережив расставание.

Быть способной любить – снова или впервые, – распрощавшись с историей, изорванной в клочья, с миром, распавшимся в тот день и в ту ночь.

Обнаруживается что-то совершенно и непоправимым образом мне не подвластное. Это тайна встречи, неразгаданная. Я не стремлюсь ни к приобретению, ни к обладанию. Поиск Другого – это не покорение, не присвоение и не завоевание. Я могу лишь едва коснуться его лица, которое узнаю постепенно, могу воспринять только то, чем он делится о себе, слушать его речь, ценить его собственный взгляд на себя и быть готовой к пониманию, безо всякой предвзятости. Только находясь рядом с ним, я пойму, кто этот Другой и кто я в его глазах. Мне никогда не заключить его в рамки знания – тайна ускользнёт, изображение выйдет застывшим; мне никогда не определить, что является добром или благом для Другого, без того чтобы он тотчас же не стал задыхаться от мысли, что я вижу его *насквозь*.

Другой никогда не будет ни собственностью, ни завоеванием. Я не жду от него *всего*, так как он не вмещает в себя всё, я просто приближаюсь к его лицу, обращённому в бесконечность, распахивающему окно в мир непостижимого – и Другой для меня будет в такой же степени далёким, как и родным, и будет мне настолько же близким, насколько сохранит расстояние. Я смотрю на него, как смотрят на звезду, только прошлое которой доступно взгляду. И зная о том, что мне никогда не свести на нет дистанцию между нами, я прихожу к обретению своего личного пространства.

И всё-таки даже вблизи от Другого я буду искать сближения с ним, найду и буду искать снова*. Ожидание будет обмануто, если я не почувствую, что долгожданное лицо совпадает с ликом бесконечности, заложенной во мне, что состоявшаяся встреча представляет ценность *безусловного* дара: не имея ни дающего, ни принимающего, она становится духовным переживанием. Тогда унимается жажда, и не иссякает источник.

Быть может, связи с Другим и с бесконечностью говорят об изначальной памяти, которую мы пытаемся воспроизвести, к образам которой стремимся и которую хотим ощутить со всей интенсивностью. Добываясь любви матери, младенец без конца углубляет колодец, неспособный ослабить его жажду, а за-

* Блаженный Августин. (Прим. автора).

тем ищет то, что никто – даже мать – не может ему дать; всё, что он находит, – это отражение бесконечного, отблеск совершенного, которое так и будет жить в нём в течение всей жизни.

Я смотрю на небо, полную луну и воздушные змеи звёзд. Через несколько часов я увижу под собой облака, простой и вместе с тем замысловатый узор наших путей на Земле, услышу плеск озера, вдохну запах леса, заранее обрадуюсь просвету у кромки моего «я» и уже различу лик наконец обретённой любви, теперь уже подлинной в своём устремлении к себе самой. Благодаря некой неуловимой хрупкости становится очевидной для нас красота мира и становится притягательной красота других людей, благодаря ей мы испытываем восхищение.

Я смотрю на небо, праздную чудо *своей жизни*, жизни в гармонии с настоящим, чествую, наконец, *полноту присутствия*, приобщаюсь к магии любви и через неё – к магии бытия.

ПРОВОДНИКИ II

Память, произведя на свет слова, пульсирует в них. На странице слова ведут себя, как в пещере, углубляя её; от слов отражается молчание, прогуливаются внутри тени, и никогда не узнать наверняка, не раздаётся ли иной раз в шёпоте слов всего лишь эхо слов других, налетевших на стены и разбившихся вдребезги.

Слова складываются таким образом, чтобы язык проливал свет на своеобразие личности, внедряются в сердце тайны, углубляясь в неё, докапываясь до *собственного языка*, пронизанного сомнением и тягой к опасности. У слов нет другой власти, кроме власти выведывать смысл вещей, чтобы лучше закрепить их на натянутых струнах страницы, на хрупкой нити жизни. Они проявляют необыкновенную способность к самовосстановлению и к созданию условий для возобновления.

Слова мастерски устанавливают связи, они подзывают к себе разрозненные фрагменты мира, чтобы перебросить мостики, безусловно шаткие, но вызывающие к жизни фразу, страницу, и вот уже целая книга сплетает полотно строк, в котором мы услышим биение сердца, увидим развитие мысли. Мы пишем, чтобы связать вещи, людей, жизни.

Слова возделывают окружающий мир, пока он не станет пригодным для жизни. Они просверливают темноту, набирают горстями землю, плывут по воздуху и воде, разносят огонь. Им известно то, о чём мы не знаем, они ищут свет и смысл, в которых мы нуждаемся, отчаянно нуждаемся.

Переполненные молчанием, слова вмещают больше, чем мы хотим высказать, они погружаются в самое сердце *данности*, которую освещают вплоть до её удалённых окраин. Приближаясь к тайне, о непостижимости которой знают, они становятся *песнью*, поэтической речью, создающей мир, где проявляется бесконечность, и они указывают на Красоту, чтобы прикоснуться к Единому. Такими словами мы стремимся говорить, когда обращаемся к миру.

ВОЗОБНОВЛЕНИЕ II

Волны бьются о груды камней, сорвавшихся с прибрежного утёса. Оказавшись на песке, валуны попадают в объятия пены.

Миф о Сизифе изображает человека, вкатывающего высоко в гору камень. Всякий раз, когда Сизиф приближается к вершине, камень срывается и скатывается вниз. Что меня всегда поражало в этой аллегории, так это сила возобновления, о которой она свидетельствует, способность превратить неудачу в преимущество, ответить возрождением на страдание.

Конечно, камень скатывается вниз после каждой попытки, но мне представляется важной эта каждый раз возобновляемая и подтверждаемая способность отправляться в новый путь к вершине горы, способность продолжать верить в то,

что камень можно поднять на самый верх и добиться недостижимого. Абсолютное существует для нас же самих, соединяя нас с некоей устремлённостью как ввысь, так и к себе, ведь одновременно с высотой мы устремляемся и к исполненному *присутствию*, магическому и сакральному пространству в нашем внутреннем мире. Если страдание может излучать свет и перерастать в радость, то это благодаря мощной способности жизни открывать нам в должное время картину, в которой страдание всего лишь эпизод.

На острове ночь. Я наблюдаю бесчисленные формы,ступающие в звёздном небе. Вспоминаю мгновения, когда было так легко сдаться. Было бы достаточно разомкнуть объятия, раскрыть ладонь и отправиться на дно, испытывая при этом слабость в теле, отказываясь ото всех усилий и утрачивая желания. Под закрытыми веками скрывается мир боли, сожалений нет, просто веряешься убаюкивающему движению того никуда, к которому идешь и которое вкрадывается понемногу в тело и душу. Смыкаешь веки, и под ними слышишь только собственное дыхание, мир растворяется в этом неогороженном, неопасном укрытии, и ты вместе с ним.

Но вдруг что-то встряхивает тебя. Открываешь глаза. Внезапно хватаешься рукой, ловишь первое, что подворачивается, и держишься изо всех сил. Тогда знаешь. Ты не способен. Ты не способен отказаться. Зов жизни слишком мощен, преодолевая страдание, преодолевая пустоту, простирающуюся насколько хватает глаз, ты не способен отказаться от этого мира. Неожиданно ощущаешь силу жизни, как ощущаешь её *разлом*, эту зону разрыва, знаменующую собой также и уязвимость, червоточину, за которой проглядывает разнообразие возможностей.

Раз миф о Сизифе всегда был для меня прежде всего аллегорией возобновления, а не бессмысленности человеческого существования, то неуспех – разлом – особенно важен в связи с его свойством вызывать к жизни различные возможности, становиться благоприятной почвой для пробуждения. Вовсе не будучи одним только признаком непрочности, разлом может оказаться исключительно созидательным.

В противовес платоновским узникам, заключённым в пещеру и скованным так, что им не повернуть головы и не увидеть ничего, кроме теней и отблесков, отбрасываемых невидимым для них огнём на противоположную стену, мы однажды разрываем цепи; мы выходим наконец из мира химер, восстаём против дракона, державшего нас в плену у самих себя и сейчас распрямляющегося внутри в полный рост. Ведь это он нас сковывает, и этот дракон – страх. Постоянно испытываемый страх.

Из-за страха прерывается диалог с жизнью.

ПРАЗДНОВАНИЕ

Узнать заново сад, дом, озеро, лес. И заново полюбить, заново быть любимой. Возвратить камень любви на вершину, создать вместе с Другим *территорию*, на которой проявляется связь с живущей в нас бесконечностью, сохранять её, преобразовывать, чтобы никогда не перестать её чувствовать.

История прервалась, возможно, как раз для того, чтобы получилось увидеть уже не отражение Красоты, а саму её сущность, отыскать её смысл в каждой из окружающих вещей, в каждом из любимых существ, и так – каждый занимающийся день, с которым возобновляется приключение жизни. Возможно, история обрывается, потому что в какой-то момент больше не умеешь *видеть*, и только благодаря Другому, ставшему всей твоей жизнью, *всей жизнью*, открывается доступ к своему «я» и к красоте мира.

Возможно, расставшись с любовью, перестаёшь сводить всю полноту жизни к единственному существу – ты считал его красивейшим на Земле, но это застилало тебе взор, затуманивало сердце. Теперь же можно начать *видеть*, по-настоящему видеть то, что не видел никогда прежде.

И однажды ты уже не ищешь. Ты просто присутствуешь, и

неожиданно твой взгляд встречает чей-то ещё, задерживается, касается движения души в этих глазах. Ты касаешься этого лица, тела, ты очарован человеком, к которому простираешь ладони так, словно любишь в первый раз; ты по-настоящему очарован, но вовсе не ослеплён, не захвачен бурной волной, просто ты восхищён этим человеком, который рядом – не впереди или сзади тебя, а рядом, – который, не поступаясь собственной жизнью, становится твоим любящим спутником.

Ты ничего не удерживаешь, а только воспринимаешь происходящее. И тебе открывается то, чему ещё не научился в страдании. В тебе раскрывается что-то до сих пор не проявленное. Ты просто находишься здесь, в Открытом, на *кромке своего «я»*.

ЗАВЕРШЕНИЕ

Сильные ветры перекроили пейзаж. Вскоре нельзя будет отличить неба от моря, нельзя будет сказать: *вот, это – небо, а вот – море*.

Я сажусь перед окном. Смотрю, как жизнь нарушает ход другой жизни, преобразует её, расширяя её пределы. Время идёт. Я снова испытываю отчётливое ощущение времени, нависшего над бренностью моих шагов. Удерживаюсь на острие стрелки настоящего. Нет ни будущего, ни прошлого, мне доступно только настоящее, это царство разных возможностей. Всё здесь – можно пощупать кончиками пальцев, прикоснуться душой, в кратчайшем мгновении умещается вся вселенная, с её силой и хрупкостью.

Есть, спать. Идти навстречу тому, что живо, навстречу брезжащей в небе заре, подставить кожу лёгкому прикосновению ветра, слушать волнение тишины. Начать сначала. Не отвергать жизнь, но выбирать каждое из её движений. Не оставлять поисков Другого, но не слишком увязать в них. Не искать убежища – оно всегда будет призрачным и равноценным смерти в

разных её проявлениях, – но проникнуть в ещё не изведанную сердцевину жизни. Мне нельзя отступить, отказаться от бесчисленных дорог, обещающих неисчислимые возможности. Мне нельзя перестать плыть к берегу.

В материальном мире, зовущемся *реальностью* и основанном на непрерывных изменениях, смерть в её различных выражениях – это итог преобразований. Она приходит с неотвратимостью течения реки, с необходимостью самой жизни.

Время остановилось. Нет ни прожитого, ни опыта. Всё становится бесконечным океаном энергии*, напоминающим нам, что мир далеко не таков, каким мы его воспринимаем, а представляет собой некий «непрерывный поток» в состоянии постоянного изменения. Такое описание даёт Дэвид Бом, и, предлагая определение данным процессам, он говорит о «полноте Вселенной». И его «новое Единое целое», которое может оказаться просто отдельной гранью другого «нового Единого целого», заставляет вспомнить о *Цветке жизни* – одной из ключевых фигур *сакральной геометрии*.

Не относится ли бескорыстная любовь к области энергии, а не к области ощущений? Я наблюдаю за тем, что нарождается во мне, и, наверное, впервые испытываю чувство причастности к *Открытому*, чувство полного слияния с пульсирующей повсеместно субстанцией, как в видимом мире, так и вне его.

*Не забираем
не расстаёмся.*

Потеряв любовь, можно научиться всему, что лежит за пределами этой любви.

В саду возрождается красота. Любить для нас так же естественно, как для розы быть розой.

* Авторское «обширное поле энергии» заменено здесь выражением «бесконечный океан энергии» как более употребительным для изложения теории Бома в русскоязычных источниках. (Прим. переводчика).

ОСТРОВ

Часть суши, окружённая водой со всех сторон. О связанных между собой островах говорят, что они образуют чётки.

Из самолёта я смотрю на узор, выложенный островами. Ещё ночь, через несколько минут настанет рассвет, и с высоты я увижу, как множатся цвета в тёмном небе, увижу, как воцаряется голубизна. «Все связи сходятся в точке любви...» Я снова поддаюсь чувству, заключённому в этих словах. По пути мы замечаем самолёт, летящий к острову. В иллюминатор мне видно скопление разноцветных огней, тонкие лучики кажутся парящими в темноте, чуть позже я различаю дорогу, мосты, соединяющие острова. Но в основном всё, что вижу пока, – это чёрная масса, подобная океану памяти, который загорится от света дня; так и любовь – освещает и воспламеняет в нас без усталости то, что тянется к ней.

Я закрываю блокнот, складываю одежду, поливаю сад в последний раз. Я возвращаюсь домой. С собой я увожу радость парусных лодок, распускающиеся в ладонях цветы, ночные небеса, указывающие путь, и море, широкое, как жизнь.

Появившийся в небе просвет понемногу наступает на темноту, он медленно расширяет свои границы и орошает голубизной землю, на которой я теперь различаю очертания: кошачью голову, сову, – формы дробятся по мере удаления самолёта. Голубизна увлекает его с собой, и я несусь вместе с ним к бескрайнему горизонту, к миру, который соединяет меня с самым малым и с необъятным.

Самолёт набрал полную высоту. Наступило утро. Жёлто-красно-голубые полосы расцвели небо, уже совсем светло, через несколько часов я окажусь в другом саду, в другом доме.

Я открываю глаза. Море, роза, звёзды, горы, окружающий пейзаж и моя душа – всё,

абсолютно всё изменилось.

Я посвящаю эту книгу своим Друзьям.

Спасибо за то, что опустили голову на остывшую подушку, протянули чашу любви, указали на другой берег, не отвергли теней и робких вопросов. Спасибо за наши беседы, наши порой почти сократовские диалоги. Ваша поддержка во время написания этой книги была для меня очень ценной.

*Моей сестре и подруге Жоанне,
Кароль, Гонорате, Лиз, Луиз, Маризе, Пьеру, Симону,
Сильви, Сильвестру, Иветте,
а также Анн-Мари, Джонатану, Ноэлле, Роджеру,
Стефани, Вирджини. Ещё я посвящаю эту книгу Жюли.*

*Я благодарю жюри премии журнала «Этюд франсез»,
в особенности Пьера Непвё.*

ИЗ БИБЛИОТЕКИ АВТОРА

Аристотель. Никомахова этика. Paris: Garnier-Flammarion, 1965.

Блаженный Августин. Философские диалоги. Исповедь. Paris: Gallimard, Bibliothèque de La Pléiade, 1998.

Дэвид Бом. Полнота Вселенной. Paris: Éditions du Rocher, 1987.

Франсуаз Бонардель. Философствуя огнём. Paris: Seuil, 1995.

Джордано Бруно. О сцеплениях вообще. Paris: Allia, 2001.

Данте Алигьери. Божественная комедия. Перевод на фр. Жаклин Риссет. Paris: Garnier-Flammarion, 1990.

Досократики. Издание подг. *Жан-Поль Дюмон.* Paris: Gallimard, Bibliothèque de La Pléiade, 1988.

Клаудио Магрис. Тогда вы поймёте. Перевод на фр. Жана и Мари-Ноэль Пастуро. Paris: Gallimard, 2008.

Шандор Марай. Угольки. Перевод на фр. Марсель и Жоржа Ренье. Paris: Albin Michel, 1995.

Фридрих Ницше. Утренняя заря. Paris: Gallimard, 1972.

Платон. Полное собрание сочинений. Перевод на фр. Леона Робэна. Paris: Gallimard, Bibliothèque de La Pléiade, 1999.

Плотин. Эннеады. Paris: Les Belles Lettres, 1997.

Плутарх. Утешение к Аполлонию. Paris: Rivages, 2008.

Катрин Поэци. Поэтические произведения. Paris: La Différence, 1988.

Райнер Мария Рильке. Поэтические и театральные произведения. Под редакцией Жеральда Стига. Paris: Gallimard, Bibliothèque de La Pléiade, 1997.

Райнер Мария Рильке. Произведения в прозе. Под редакцией Клода Давида. Paris: Gallimard, Bibliothèque de La Pléiade, 1993.

Бенедикт Спиноза. Полное собрание сочинений. Перевод на фр. Ролана Кайо, Мадлен Францес и Роберта Мизрахи. Paris: Gallimard, Bibliothèque de La Pléiade, 2002.

Тьерри Хенч. Море, рубеж. Montréal: Hélio trope, 2006.

СОДЕРЖАНИЕ

Голубая высота	6
Остров.....	9
Расставания нет	10
Возобновление	12
Слова.....	14
Исчезновение	15
Accidia	18
Небо, море.....	20
Пчёлы невидимого	21
Дружба.....	22
Расстаться с собой (или Отречение).....	26
Буря.....	28
Первоисточник.....	30
Вдохновитель	32
Мимолётность.....	33
Разлом	35
Май, июнь, июль	38
Проводники	41
Видеть.....	42
Кромка	44
Скалы.....	46
Волны	48
Безграничность.....	50
Изменчивость.....	52
Июль	56
Август	57
Встреча	57
Проводники II	60
Возобновление II	61
Празднование	63
Завершение.....	64
Остров.....	66

Элен Дорион

Объятия ветров

*Перевод с французского
Юлии Куниной*

Редактор
Елена Вагнер

Корректор
Алексей Ильин

Компьютерная верстка
Марины Кива

Дизайн обложки
Сергея Кауфмана

Регистрационный № 768 в Минпечати РФ

Подписано в печать 30. 05. 2011

Типография «Вест-консалтинг». Формат 60x90 1//6.

Печать офсетная. Бумага офсетная.

Печ. л. 6. Тираж 1000 экз.

Москва, ул. Красноармейская, 21